

Дмитрий Валентинович Агалаков
Солдаты эры Водолея
Серия «Русский авантюрный роман»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17128888
Солдаты эры Водолея / Дмитрий Агалаков: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7997-1

Аннотация

Обыкновенный русский парень Вадим Арсеньев из провинциального города Дымова получает неожиданное приглашение от сербского князя Константина Остберга с предложением погостить. Князь якобы прочел недавнюю книгу Арсеньева о Дионисии Близоруком, греческом юноше, хранителе древней тайны. Сочтя содержание книги неполным, князь предложил Вадиму вместе обсудить интересующую обоих тему. Отправившись в приятную поездку, Арсеньев и предположить не мог, что путешествие не просто затянется, но превратится в череду опаснейших и загадочных приключений!..

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава первая. Паутина	8
Глава вторая. Клиент Интерпола	17
Глава третья. Врата времени	42
Глава четвертая. Герцог Вествольф	53
Глава пятая. По следам таинственных гостей	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Дмитрий Агалаков

Солдаты эры Водолея

Любимой Наташе Д. посвящаю

«Наступит новая эра, – писал трижды великий египтянин, ведавший тайнами мироздания и носивший имя одного из богов, – когда великое знание станет открываться людям, как открывается цветок солнцу, и они с благодарностью примут этот врачующий и облагораживающий их дар». – «Мир, прежде непознанный и враждебный для всех, в новую эру станет всем открыт и отраден, – спустя века вторил ему эллин, мудрец из мудрецов, познавший материю и дух, космос и человека. – Потому что все, созданное Творцом, имеет великий смысл, и суть нашей жизни – познать Его работу». – «Я вижу сияние новой эры, которую так ждали, на которую надеялись великие мудрецы прошлых тысячелетий, – много позже напишет уже христианский мыслитель. – Людям откроется новый мир – не бесплодных надежд, что всякий раз оборачивались отчаянием и великим горем, но мир долгожданного счастья. Сам Господь в означенный день и час откроет людям свои объятия, и тогда благодать ждет их во веки веков...»

Так писали великие мира сего о грядущей эре Водолея

Пролог

Над башнями древнего норманнского замка, окруженного лесом, медленно тянулись свинцовые облака. Казалось, этой промозглой осенней ночью замок спал тяжелым непробудным сном. Если бы не одно из верхних окон донжона. Там, проглядывая через изморозь и легкий туман, горел свет... Гулко аукнув, ночная птица вырвалась из леса и, размахисто хлопая крыльями, направила свой путь в сторону замка. Вот внизу пронеслись ров и крепостная стена – первая, за ней – вторая, остались позади две башни. Перед птицей быстро вырастал исполин-донжон. Там, под его крышей, жили тысячи летучих мышей – такое лакомое блюдо для всех ночных охотниц! Поднимаясь в высоту, облетая каменный колосс, птица уже сделала круг, когда неожиданно попала в световое поле. Створки слюдяного окна были открыты настежь. Зоркий взгляд птицы успел подметить языки пламени в огромном, похожем на пещеру, камине и человека, сидевшего у огня.

Прочь отсюда!..

...Немолодой, но полный свирепой силы, он сидел в кресле лицом к окну. Огненно-рыжие с проседью волосы были туго перехвачены сзади шнурком и превращались в конский хвост. Медвежья шуба укрывала его плечи. На груди, поверх плотного шерстяного камзола, ловил отблески огня золотой амулет – шестиконечная звезда с драконом в центре круга.

Вчера ночью Рыжеволосый победил. Он встретил своего врага на подступах к замку. Ярko светила луна, высеребрив дорогу. Враг и его телохранитель – лицом к лицу против лучших бойцов Волчьего логова! Два чужака врезались в их ряды, выбивая противников из седел, но вскоре стрелы опрокинули их. Телохранитель врага, настоящий медведь, был убит, сам враг, истекая кровью, лежал поверженным на земле.

– Я счастлив, византиец, что вижу в твоих глазах отчаяние, – склонившись над раненым воином, проговорил он, хозяин здешних земель. – Я знаю, ты не боишься смерти. Но тебе страшно оттого, что Дионисий в моих руках. Тебе страшно, что ты не выполнил волю своего учителя, что позволил мне похитить библиотекаря, вашего тщедушного пророка! И ты знаешь: я буду пытать его день за днем, поливать маслом и жарить, как теленка на вертеле, пока он не расскажет мне всего. Не выдаст тайну великого Оружия. Не скажет, где он спрятал его! – И, уже тише, продолжал: – Это значит, что уже скоро мир будет моим! Слышишь, византиец? – моим!

– Тебе гореть в аду, Вествольф, – глядя ему в глаз, прошептал его враг. – А теперь можешь убить меня...

Но он только усмехнулся:

– Быструю смерть надо еще заслужить, стратиг Палеолог. – Обернулся на оставшихся в живых солдат, все теснее подступавших к хозяину. – Убирайтесь! Все!

Те поспешили ретироваться. Никто не слышал, о чем он спрашивал византийца. Да что толку? Его враг все равно упрямо молчал. Только дышал тяжело, и кровавая пена вздувалась пузырями на его губах.

Ему оставалось жить считанные минуты...

– С тобой кончено, стратиг Палеолог, – наконец сказал он, поднял меч и нацелил острие на грудь умирающего грека. – Кончено!

И что есть силы, через панцирь и ребра, вдавил клинок в его сердце.

...И вот сейчас, сжав руками подлокотники кресла, хозяин замка смотрел в огонь. Но, странно, ничего не могли открыть ему языки пламени, такие изменчивые, ускользающие. И в первую очередь не могли открыть будущего, потому что Дионисий, там, в подземелье, молчал.

Только стонал и плакал от боли...

Сидя в старом кресле, Рыжеволосый закрыл глаза. Он даже нашел в себе силы улыбнуться. Этот мозгляк заговорит – хотя бы для того, чтобы умереть быстрой смертью! Но минуты складывались в часы, а его все не звали. И это ожидание становилось все большей пыткой!

За спиной Рыжеволосого уже занимался рассвет, когда, скрипнув, тяжело открылась дубовая дверь. Языки пламени затрепетали на сквозняке. В зал нерешительно проскользнула тень – силуэт женщины. Встав у стены, она точно не смела двинуться дальше, оказаться на свету.

– Матильда?

– Да, хозяин, – не сразу ответила женщина.

Отгородившись ладонью от огня, рыцарь пытался рассмотреть гостью.

– Подойди, – тихо проговорил он.

Она не решалась.

– Ты оглохла?

Тень качнулась. Чем ближе она приближалась к огню, тем нерешительнее становились ее шаги. Черный балахон, седые волосы, бельмо, скрывающее правый глаз. Костлявые руки, которым она не находила места.

– Говори, – потребовал он, чувствуя, что голос его вот-вот готов сорваться.

– Горе нам, горе! – вдруг быстро запричитала она. – Горе...

Недоброе предчувствие заставило Рыжеволосого привстать с кресла.

– Что случилось? – хрипло пробормотал он. – Ну же...

Она в отчаянии сцепила руки.

– Он умер, ваша светлость, – неровным, точно от озноба, голосом ответила женщина. – Только что!

– Умер? – Оставляя медленно сползающую с плеч шубу, Рыжеволосый распрямился и сделал шаг вперед. – Как это... умер? – Почему он не догадался раньше, что ненавистный грек может попросту взять и умереть? Вот так жестоко посмеяться над ним! – Где... его тело?

– Горе нам, – точно не слыша хозяина, быстро повторяла женщина. – Горе!..

...Через четверть часа двое слуг в окровавленных фартуках внесли в залу истерзанный труп молодого мужчины, положили его на каменный пол. Они не смели поднять на хозяина глаз. А Рыжеволосый смотрел и никак не мог узнать этого человека, которого выслеживал столько лет! Так он был изувечен...

– Убирайтесь все, – не оборачиваясь на слуг, негромко сказал хозяин замка. – И ты, Матильда. Все – вон...

Трое палачей и женщина немедленно вышли.

Рыжеволосый подошел к покойному. Неужели его жизнь вновь прошла напрасно? И он опять не достиг того, что было наказано ему? Ради чего он родился на свет!..

– Нет, я так не хочу, – прошептал он. – Не хочу!

Он шагнул к открытому настежь окну. Нашупав на груди золотой амулет, поднял его выше – к бычьей шее. Сжал, что было силы. Что же он скажет тому, кого зовет Драконом, когда тот спросит с него? Чем оправдается перед своим хозяином?!

Промозглую осеннюю ночь тронул рассвет. Он поднимался над лесами, укрывавшими здешние земли. Скоро запоют птицы, защебечут на все голоса, и мир проснется...

И тогда Рыжеволосый завыл на свинцовые облака, текущие над башнями замка. И в этом вое было проклятие тому, кто, не убоявшись пыток, так легко и беззаботно, вспорхнув вверх, вылетел за пределы его замка.

– Я найду тебя, – грозно прошептал он. – Слышишь? – найду! Через сотни лет! Чего бы мне это ни стоило! Найду...

И точно эхом его слов по небу прокатился раскат грома и сверкнула молния. И тотчас одинокое дерево, стоявшее на дальнем склоне, вспыхнуло, на глазах превращаясь в огненный столб...

Часть первая

Глава первая. Паутина

1

Уже несколько лет Вадим был безработным – друзья и родственники считали именно так. Однажды расставшись с педагогической деятельностью, он публиковал статьи в журналах и газетах, на то и жил.

Через несколько дней ему исполнилось тридцать три года. К этому времени он успел жениться и разойтись. Вадим так и не стал богатым рантье, о чем мечтал почти с пеленок. Даже не был бедным рантье. Научился брюзжать и скрываться от шумного светского мира в библиотеках. Дни напролет он просиживал за книгами, уходя в чье-то прошлое, которое иногда казалось близким. И хотя он успел написать книгу, на его взгляд – увлекательную, и даже издать ее в одном престижном научно-популярном журнале, это не сделало Вадима счастливым.

Главное, он не открыл своей Трои.

Другими словами, Вадим Арсеньев находился в том состоянии духа, когда люди перестают справлять свои дни рождения: принципиально – назло друзьям и знакомым. Когда они не желают заглядывать в будущее и живут одним днем.

Для полного портрета неудачника Вадим хотел было приобрести еще одну очень важную черту характера: перестать чему-либо удивляться. А потом решил подождать.

Сам еще не осознавая, насколько он прав...

2

Случилось это в день его рождения – на злополучное тридцатитрехлетие. В обед Вадим налил полную коньяка и подмигнул коту Василию, приглашая начать торжество, когда в дверь позвонили...

На пороге стояла грубоватая лицом барышня; она протянула квитанцию на письмо «до востребования», попросила расписаться и была такова.

Через полчаса Вадим заходил на почту, что была через квартал от его дома. Письмо пришло из Сербии, фамилия адресата была «К. Остберг». Покинув почтовое отделение, Вадим прошел пятьдесят шагов – через парк, сел на первую свободную лавку. И только тогда распечатал письмо.

Вот каковым было его содержание:

«Уважаемый господин Арсеньев!

Две недели назад я прочел в одном из русских журналов Ваш труд о некоем Дионисии из Идона, прозванном Близоруким. Я был приятно удивлен тем воодушевлением, с которым книга написана. Единственное слабое место вашего историко-биографического труда – оно фрагментарно. Но это понятно: нас разделяют почти восемь веков! Тем не менее, если Ваш интерес к этому человеку прежнего накала, я смогу помочь Вам. И самым серьезным образом. А именно: превратить Ваши скромные познания и многообещающие догадки в настоящую книгу о Дионисии из Идона.

Если Вы располагаете свободным временем, в ближайшее дни я приглашаю Вас погостить в моем поместье. Ровно столько, сколько Вам будет угодно. Дорожные расходы беру на себя. Меня это не стеснит, поэтому пусть не стесняет и Вас.

Думайте, решайте.

Искренне Ваш, князь К. Остберг».

Уже прочитав две трети письма, Вадим хотел было возмутиться самоуверенному тону неожиданного заграничного адресата. Князь, подумать только! А вот его книга, видите ли, «фрагментарна»! Больше десяти лет он отдал изучению этой темы! Но вскоре смягчился. Вдруг его адресат и впрямь знает нечто особенное? А он, гордец, пытается убедить себя в обратном...

И почти сразу он вспомнил дождь. Вернее, прелюдию к дождю, увертюру едва ли не к великому потопу.

Это случилось несколько дней назад...

Выйдя из подъезда своего дома, Вадим поднял голову: тучи сходились над городом, теснились, наползали друг на друга – вот-вот, и польет дождь.

Зонта не было, и Вадим поспешил к трамваю.

«Третий» номер ушел из-под носа. Когда он провожал его взглядом, что-то легко укололо его между лопаток. Обернувшись, он увидел стоявшую за спиной, шагах в десяти, девушку. Нелепую, странную. «Дурнушку», как сразу окрестил ее Вадим. Одетая в плащ, словно упрямо ожидавшая ливня, она улыбнулась ему.

Она забралась в тот же трамвай, что и он. И когда на остановке, где он вышел, его окликнули по имени-отчеству, Вадим уже не сомневался, кто преследует его.

– Покажите мне вашу ладонь, Вадим Александрович, – едва он обернулся, попросила дурнушка. – Левую, если можно.

Вадим взглянул в ее горящие глаза и сразу понял: девушка не в себе. Он развернулся и пошел прочь. Вадим шагал быстро, но лопатками ощущал, что юродивая не отстает.

– Арсеньев! – когда он собирался перейти дорогу, резанул его окрик сзади. – Знаете, кто я? Разгадчица. – Дурнушка шла позади. – Я угадываю судьбы людей. Верьте мне, я умею многое! Например, видеть вещие сны. И толковать сны других. Я могу ответить, зачем вы родились. Могу рассказать, кто вы на самом деле. Пойдите же...

Он не ответил. Едва Вадим сошел с тротуара, как вокруг все потемнело, потеряло краски, став серым; предгрозовая прохлада поползла по улицам. Откуда она узнала его имя, думал он, переходя дорогу? Верно, таскалась по двору, разговаривалась с бабками...

Вадим свернул на самую людную улицу, где была пешеходная зона и открытые кафе.

Улица волновалась, ожидая ливня.

А небо тем временем стало таким темным и плотным, что, казалось, один высокий звук, пронзительная нота, и густая масса над головой лопнет...

И город начисто смоем в считанные минуты.

В одном из кафе под синим тентом Вадим купил бутылку пива и занял пластмассовое кресло. Над улицей нависла такая тишина, что люди даже говорили тише, точно громкий голос сейчас оказался бы святотатством.

Вадим отхлебнул пива, поставил бутылку и, широко растопырив пальцы, взглянул на правую ладонь.

– Не ту вы ладонь смотрите, – услышал он за спиной и стремительно обернулся.

В свинцовом небе полыхнула молния, обожгла, а следом раскатисто громыхнуло. Казалось, гром прокатился отголоском по всем городским крышам. Даже бутылки и стаканы в открытом кафе отозвались каждый на свой лад. Что Вадим заметил в ярком свете молнии, так это улыбку и горящие глаза девушки в дождевике, смотревшей так, точно она ожидала от него чего-то особенного.

– Вы?! – пролепетал он.

– Не ту ладонь смотрите, Вадим Александрович, – повторила она, усаживаясь рядом по левую сторону – на соседнее пустовавшее кресло. – Нужно другую... – И не успел он опомниться, как дурнушка жадно схватила его левую руку и разжала пальцы.

В этот момент небо прорезала еще одна молния, и гром, от которого заложило уши, расколол небо, покатылся по крышам, рассыпался крупной дробью по тротуарам. А следом город накрыл обломный ливень. Тент прогнулся под количеством опрокинутой с потемневших небес воды. Улицу враз заволокло туманом. Очертания домов стали размытыми, испуганные горожане и машины за пешеходной чертой – на проезжей части – превратились в призраков.

– Бог ты мой! Бог ты мой! – точно очнувшись, прошептала девушка несколько раз подряд. – Какой у вас путь... Какое сердце. – Голос ее перекрывал шум нарастающего дождя. Но она разговаривала в первую очередь сама с собой, и потому, наверное, не задумывалась – слышит он ее или нет. – И какая у вас будет любовь... – В нотках ее голоса при последних словах прозвучали нежность и грусть. Она подняла на него глаза. – Вы проживете удивительную жизнь, Вадим Александрович! Удивительную...

Вадим хотел было выдернуть руку, но девушка держала ее крепко и настойчиво.

– Вы один из тех, кто будет вершить историю. В вашей власти и во власти ваших друзей окажутся жизни миллионов людей!..

– Что будет в моей власти? – когда очередная молния сверкнула как раз над их кафе, спросил он. – Жизни миллионов людей?

Улицу оглушил сухой треск грома: прокатился, рассыпался, исчезая в шуме дождя.

– Да, – ответила девушка. – Потому что мы снова собрались все вместе.

– Кто это – мы?

– Нас много, – продолжала она, не отпуская его взгляда. – Есть добрые и славные, светлые и отважные. Есть лживые и вероломные. Несчастные и одинокие, – она опустила глаза, но неожиданно они вспыхнули. – А есть страшные, которым бы лучше родиться на свет зверьми... И мы снова все вместе!

Вадим терял терпение, но голос дурнушки и скрытая в ней сила завораживали его.

– Где – вместе? – спросил он.

– Здесь, на этой земле, сегодня...

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Поймете, – твердо сказала она. – Очень скоро поймете.

Девушка встала с пластмассового кресла, сделала два шага, обернулась:

– И он тоже здесь!

– Кто – он? – начиная злиться, громко спросил Вадим, но холодок отчего-то уже пополз между его лопаток.

Посетители кафе поглядывали на них.

– Он! – выкрикнула дурнушка, приближаясь к стене дождя. – Тот, о ком вы все время размышляете! Чьи следы половину жизни искали в прошлом! И от кого уже готовы были отказаться, предать...

Теперь на них смотрело все кафе.

– Я знаю, где он, кто он. – Вадиму показалось, что девушкой в дождевике овладело неистовое веселье. Она была одержимой. – Я знаю его!

Накинув капюшон на голову, она бросилась из-под тента на мостовую, сразу попав в ливень. И почти тотчас мокрая, неровная от дождя улица подхватила и скрыла ее.

Вадим выпил свою бутылку залпом. Встал, подошел к стойке. Под аккомпанемент ливня полез в карман за мелочью. Вместе с десятирублевыми купюрами и серебром выудил клочок бумаги. На нем был нацарапан телефонный номер – незнакомый, чужой...

И вот теперь он сидел на скамейке в парке – напротив почты. Странная фамилия, странное письмо. И совсем уже неожиданно негаданное приглашение.

3

Ночью он долго не мог заснуть. Стоило ему закрыть глаза, как события прошлых лет вихрем врываются в память. И более других – один сон, повторявшийся трижды в разные годы. Три ярких вспышки, о которых Вадим никогда бы не смог забыть...

Он шел по крепостной стене. Справа проходили бойницы, впереди высилась грозная четырехугольная башня. Все это было сложено прочно, на века, под южным солнцем. На башне был виден солдат в доспехах, с копьем. Вадим отчетливо помнил яркий солнечный день, почти физически ощущал жару и шум близкого моря где-то недалеко за крепостью.

Первый раз он увидел этот сон, когда ему едва исполнилось пятнадцать лет.

Второй раз – в двадцать... У сна было продолжение. Башня, рыжая от палящего солнца и времени, поднимавшаяся почти к облакам, была совсем близка. А главное – у него появилось новое ощущение, что рядом с ним кто-то идет. Знакомый ему человек. Они увлечены разговором – и этот разговор судьбоносен для них обоих...

В университете Вадим изучал историю Византии. Нашествие варваров-крестоносцев на Константинополь, его гибель гипнотизировали молодого историка. В этой эпохе он и открыл для себя Дионисия из Идона, загадочную личность, и написал о нем книгу, которую позже опубликовал крупный научно-популярный журнал.

Вот тогда, ровно четыре года назад, он и увидел опять свой сон. Увидел свои руки в золоченых браслетах воина и перстнях, которые легли на горячий камень крепостной стены. Внизу расстилалась земля: справа – зеленые рощи, сады, слева открывалась морская бухта, порт. Ладьи и галеры с опущенными парусами стояли там. И какой-то невероятный покой был вокруг. Тот покой, что приходит перед бурей, перед грозой. Вадим помнил и человека, стоявшего рядом с ним. Его длинные седые волосы и богатую одежду. Может быть, это был важный вельможа? Придворный мудрец? Или царь? Другое мучило Вадима: для обычного сна это было все слишком явно!

Еще через год, летом, в жару, Вадим сидел в городской библиотеке. В одном новеньком альбоме, изданном в Сербии, он и увидел то, что искал. Вадим приобрел заграничный паспорт, занял денег и отправился на Балканы. Спустя неделю Вадим ходил по крепости Вара, построенной еще в античности. Она принадлежала Византийской империи, в 1204 году ее заняли крестоносцы... Вадим отыскал ту стену и бойницы, вдоль которых прошел в первый раз в том недолгом своем сне уже пятнадцатилетней давности. И повторившемся недавно. Перед ним высилась башня.

Нет, тот сон не был вещим!

На башне, такой же рыжей от солнца, неприступной, не было солдата с пикой. А внизу хоть и простиралась та же земля, укрытая зеленью, но она была застроена отелями. В море тянулись пирсы – в бухте дремали белоснежные яхты, лодки, катера... Но перед глазами Вадима стояли ладьи и галеры, готовые выйти в открытое море и принять бой...

4

Проснувшись утром, Вадим забрался в Интернет, пытаясь разузнать хоть что-нибудь об интересующем его человеке, затем обзвонил знакомых – историков и журналистов, но все без толку. Его подруга Марина Верховенская, позвонив из Питера, где была в командировке, посоветовала ехать не раздумывая и увезти ее с собой. И только тяжелоатлет на пенсии Ари-

старх Иванович Дронов, друг его отца, объехавший с цирком полмира, сказал Вадиму, который зашел к нему в гости:

– А вот мне знакомо это имя. Может быть, и вспомню.

Марина вернулась в пятницу. Он ждал ее! Едва переступив порог, чмокнула Вадима в губы. Положила сумочку. Сбросив туфли, проходя в комнату, уже расстегивала блузку.

– Если бы ты знал, какие это были сумасшедшие дни! – обернулась она с улыбкой. За блузкой она легко сняла ажурный лиф и привычным движением руки швырнула его на диван. – Идем в кроватку, милый, я соскучилась!

«Интересно, кто же первый удостоился этой чести быть с вами? – обнимая ее, не мог не подумать Вадим. – Ваш покорный слуга или полутотставленный муж?»

Ее кожа была чуть солоноватой – отпечаток теплого августовского дня; еще Марина пахла духами – пряно и тонко. Она была нежной, все умела, все знала... Через час, выходя из душа, обернутая полотенцем, Марина спросила:

– Ну, как продвигаются наши дела с загадочным господином... как бишь его... Бобсбергом?

– Остбергом.

– Да-да, Остбергом.

– Никак. Конечно, есть выход, написать ему и спросить: а кто вы, собственно, такой? А можно послушать твоего совета – взять и поехать.

– У меня есть идея, – она лукаво улыбнулась, садясь на кровать. – А что, если он не женат? Тогда ты меня выдашь за свою сестренку. Разве можно в меня не влюбиться?

Вадим отрицательно покачал головой:

– Нельзя.

– Вот видишь. А нам давно пора выбираться из нищеты. Может быть, это – шанс. Может быть, твой Бобсберг-Остберг только и мечтает жениться на прекрасной русской женщине. Молодой и страстной. А я уж, будь уверен, смогу его окрутить.

– Ты меня так легко бросишь?

– Ну что ты! – Марина переползла к Вадиму на колени. – Ты будешь моим любовником. Ведь наверняка твой Остберг – старик!

– Жила бы ты прежде – была бы куртизанкой, – вздохнув, сказал он.

– Все может быть, – отпуская полотенце на высокой груди, обнимая Вадима, согласилась Марина. – По мне так – достойная профессия!

5

В субботу, в два часа дня, Вадима поднял телефонный звонок. Встав с дивана, он подошел к столику, взял трубку, плюхнулся в кресло.

– Алло?

– Привет, это Дронов. Давай-ка, дуй быстро ко мне.

– А что случилось?

– Приедешь, расскажу. И не тяни время. Это касается твоего иностранца.

Через полчаса Вадим вошел к квартире отцовского друга. Аристарх Иванович указал широкой ладонью на комнату:

– Прощу.

...На ковре лежал цветной плакат. Там, наверху огненной пирамиды, стоял молодой мужчина – статный, темноволосый, в черном фраке и цилиндре, с тростью. Он был худощав, но чувствовалась в его фигуре недюжинная сила. Лицо этого человека было как раз из тех лиц, которые называют аристократическими, утонченными. Надпись гласила: «На манеже – Белый Король!»

– Кто это? – спросил Вадим у хозяина дома.

– Здесь же написано: «Белый Король», – ответил тот. – Всемирно известный маг, самый талантливый из всех иллюзионистов на нашей планете. Копперфильд в сравнении с ним – ребенок. Эта пирамида Белого Короля из огненных кругов – чудо. Никем не раскрытое. Вообще он был мастер на всякие чудеса. Его все звали «маэстро». Двадцать пять лет назад мне удалось познакомиться с ним в Мексике, – продолжал Аристарх Иванович. – Мы были там на гастролях. С одним представлением заехал туда и Белый Король. Тогда, четверть века назад, он пожал мне руку. Помню здоровенный изумруд в золотой оправе на его безымянном пальце! Мы, советские артисты, смотрели на этого мага, как на восьмое чудо света. Что и говорить – кудесник, да еще богач! Маэстро назвал меня «русским богатырем». А еще сказал: «У меня такое чувство, точно я вас давно знаю. Очень давно!» Вот так-то! А спустя еще лет десять мне передали журнал «Штерн». На Белого Короля было совершено покушение. В него стрелял спятивший тип из Скандинавии, некий Адольф Адельборг, уже старик. – Аристарх Иванович взял со стола старый немецкий журнал, развернул его. – Взгляни на эту физиономию...

Вадим поморщился: рожа у типа и впрямь была неприятная, к тому же едкая, с хищным взглядом. Сам он был сухоньким, в задрипанном плащике и беретике, с жидкими седыми волосами. Полисмены крепко скрутили эту щепку.

– Он выпустил в маэстро обойму с близкого расстояния, – продолжал Дронов. – Этот говнюк не объяснил своего поступка. Кажется, его признали сумасшедшим. Белый Король выжил, но уже не смог принимать участия в выступлениях. – Аристарх Иванович откашлялся в кулак. – Помню, когда маэстро пожал мне руку, я представился. И он – в ответ. Знаешь, как его звали? – Дронов ткнул в гостя пальцем. – Константин Остберг. Ка Остберг.

Вадим с недоверием посмотрел на плакат.

– Но какое он имеет отношение к истории? Простой циркач... – Вадим осекся, но Аристарх Иванович великодушно пропустил его реплику мимо ушей.

Он взял со стола еще один старый потрепанный журнал, на этот раз «Вокруг света», развернул его.

– Читайте, – сказал он. – «В мае этого года, после покушения, знаменитый иллюзионист Белый Король раз и навсегда ушел со сцены. Впрочем, нищенское существование ему не грозит. Белый Король имеет княжеский титул, он – потомок древнего аристократического рода, владеющего землями в Европе, и остаток жизни, как маэстро объяснил журналистам, он проведет в одном из своих замков». – Аристарх Иванович поднял брови. – Так что ты прав, дружище, простой циркач вряд ли будет хорошим историком. Но Белый Король – не простой циркач. Я уверен, что писал тебе именно он. Поезжай, Вадим, заодно передашь от меня привет, если, конечно, этот иллюзионист еще помнит «русского богатыря». Поезжай... Может быть, это новая страница в твоей жизни?

6

За окном моросило. Вадим лежал на диване. В его ногах расположился кот Василий. Уже с четверть часа Вадим сжимал в кулаке клочок бумаги, где был записан телефон той странной девушки. «Я знаю, где он и кто он, – не отпускал ее голос. – Тот, о ком вы все время размышляете! Чьи следы половину своей жизни искали в прошлом. И от кого уже готовы были отказаться. Я знаю его!»

«Чушь», – наконец твердо подумал Вадим.

И неожиданно вспомнил, как решил написать книгу о Дионисии Близоруком. Подхваченный течением событий, с которыми его разделяло восемь веков, он увидел все в картинах.

Точно молния поразила его!

Родившийся в византийском городке Идоне, Дионисий был отправлен отцом в константинопольскую патриаршую школу. Ум юноши был острым и беспощадным, сердце – вдохновенным. Как никто другой он умел подчинять людей пламенной речью. Дионисий закончил школу в 1202 году, когда пышный рыцарский флот отплыл из Венеции на Восток. Начинался Четвертый крестовый поход...

Бережно переместив кота, освободив тем самым ноги, Вадим сел на диване. Взглянув на телефонный номер, взял трубку и принялся нажимать на кнопки.

– Алло? – спросил его на том конце провода женский голос.

– Простите, – скованно начал Вадим. – Я нашел ваш телефон в своем кармане...

– А, это вы, – откликнулся голос. – Недоверчивый Арсеньев...

– Вы сразу узнали меня?

– Хотите пригласить на свидание? – ответила вопросом на вопрос его абонентка.

Вадим про себя усмехнулся.

– Не совсем...

– Что же тогда?

– Я даже не спросил, как вас зовут...

– А это так важно?

– Важно, если я позвонил вам. Тем более, вы знаете мое имя. А я ваше – нет.

– Хорошо, меня зовут Пашей.

– Как вы нашли меня?

– Я же говорила вам: я вижу вещие сны. Во сне я видела ваш дом, двор, подъезд, квартиру. Хотите, скажу, какой цветок растет у вас на кухне? Уродливый кактус. Который никому в мире не нужен, даже его хозяину. А на потолке вашего кабинета – трещина.

Вадим оторопел.

– И в бра, у кровати, хоть и два плафона, но работает только один, – с вызовом бросила Паша. – И они из зеленого стекла, так ведь? А в гостиной картина с пароходиком...

Вадим взглянул на противоположную стену, проверяя, так ли оно на самом деле. Деваться некуда – был пароходик. Сам выбирал.

– Вы... были у меня дома?

– А еще – я видела вас, – точно и не слыша его, продолжала Паша. – Тоже во сне. И я искала вас.

– Искали меня? Но зачем?

– Чтобы предостеречь.

– Предостеречь – от чего?

– От кого, – чуть помолчав, поправила она его.

Теперь замолчал Вадим.

– И кто же мне угрожает? – наконец спросил он. – Я знаю этого человека?

– Да, вернее... нет. Он тоже знает вас, и не знает – пока.

– Вы говорите загадками. Вам трудно верить. А главное – вас трудно понять.

– Если захотите – поймете. И даже если не захотите – все равно поймете. Потом. Главное, не оказалось бы поздно.

Вадим с нетерпением покачал головой.

– Опять загадка – поздно для чего?

– Слушайте меня, Вадим Александрович. Бойтесь переплывать через Черную реку. Бойтесь проезжать под двумя дубами, сросшимися в арку. Бойтесь въезжать в ворота серого замка на горе.

– Чушь какая-то, – как совсем недавно – про себя, теперь – вслух, выпалил Вадим. – Паша!..

– Вам нужно беречь жизнь. Свою жизнь. Понимаете? – Неожиданно голос девушки стал торопливым. – Дверь открывают – тетка пришла из магазина. Нам нужно прощаться.

– Еще минуту...

– Нет.

– Вы сказали, что он здесь, и вы знаете – где он. О ком шла речь?

– Не пытайте меня – вы сами знаете, о ком. О вашем Дионисии!..

В трубке пошли гудки. Минут пять Вадим сидел без движения. Совсем недавно девушка Паша, под аккомпанемент ливня, смутила его своей речью. А сейчас – только подлила масла в огонь. Константин Остберг, в яркий солнечный день, своим письмом также подверг его испытанию.

Вадим откинулся на спинку дивана. Он почти уже стал забывать, что в его жизни однажды случилось чудо. И вот тебе – новый поворот. Письма от загадочных иностранцев, путанные предсказания юродивой.

Неясная, но очень цепкая паутина оплетала его.

Вадим закрыл глаза. И вновь отрывки из книги стали приходить к нему. Рыцарский флот подойдет к Босфору и возьмет Константинополь. Византия падет. Ее эстафету примет Никейская империя¹. Там, при дворе нового императора, Дионисий из Идона по прозвищу Близорукий займет должность старшего библиотекаря. И там же он станет писать историю о юноше, получившем Оружие, равного которому еще не существовало на земле. И о Великой Битве, свидетелем которой этот юноша стал...

7

В обед следующего дня Вадим решительно зашел на почту и отправил телеграмму на Балканы, в которой сообщал, что согласен посетить уважаемого К. Остберга. Но едва он назвался, как ему сообщили, что на его имя встречная телеграмма.

И тоже из Сербии...

Вот что было во втором послании загадочного иностранца:

«Уважаемый господин Арсеньев!

Убедительно прошу Вас, покидая дом, город и страну, постарайтесь по возможности ограничить круг людей, которые будут в курсе Ваших дел. Это всего лишь безобидная предосторожность, но, пожалуйста, не пренебрегайте ею.

Искренне Ваш, князь Константин Остберг».

На этот раз, словно зная, что раскрыт, Остберг подписался полным именем. Дронов оказался прав – Вадиму Александровичу Арсеньеву писал сам Белый Король.

Он проснулся рано утром и стал ждать. Ему было ясно: механизм судьбы запущен – и назад хода нет. Подтверждением этой догадки стал ранний визит грубоватой лицом барышни с почты, которую он имел удовольствие видеть в этот вторник.

Она протянула ему телеграмму-молнию:

– Распишитесь.

Адресат был все тот же.

– Вы добрый ангел или злой? – спросил он.

Та насторожилась.

– Шучу, – вздохнул Вадим.

¹ После гибели Византийской империи в 1204 году и образования Латинской империи крестоносцев с сердцем в Константинополе, на территории бывшей Византии образовалось также три независимых греческих государства: Никейская империя, Эпирское царство и Трапезундская империя. Но именно Никейская империя, занимавшая северо-западные земли Малой Азии, стала культурной и политической правопреемницей Византии.

Он расписался, и барышня удалилась. Третье послание было еще одним приглашением вступить в неизвестную ему игру. В телеграмме «Ка Остберг» оповещал Вадима, что авиабилеты «Дымов – Москва, Москва – Драгов» на его имя уже заказаны (до вылета из родного города оставалось ровно шесть часов), что на аэродроме Драгова его будет ждать автомобиль марки «Линкольн» белого цвета.

Не выпуская телеграмму из рук, все еще сонный, Вадим прошел в гостиную и повалился в кресло. «Старый циркач прав, – решительно подумал он, – в моей жизни открывается новая страница».

8

Уже проходя таможенный досмотр на аэродроме Дымова, Вадим сообразил, что никому не позвонил, не предупредил о своем отъезде. Ни родственников и друзей, ни Марину, ни Аристарха Ивановича. Просто наспех собрал чемодан, взял такси и уехал на пригородный автовокзал.

Наваждение, да и только.

Очнулся он, когда уже летел в Москву. В Шереметьево Вадим сделал пересадку и скоро вылетел в Драгов. И только когда самолет завис над облаками, под монотонный гул турбин, Вадим успокоился. Он смотрел в иллюминатор, за которым торопливо плыла назад расчерченная полями земля; извивались, сверкая на солнце, реки; ослепляли, точно зайчики, пущенные в окно, озера.

Прежняя жизнь обрывками уходила назад.

Однажды его сны открыли ему неведомые врата. Теперь, Вадим догадывался, ему предстояло сделать первые шаги в ранее неведомый мир.

Жизнь и смерть византийца, как Вадим ни отрекался от его судьбы, не отпускали. Вели за собой всю жизнь. Следуя рейсом «Москва – Драгов», Вадим пытался угадать, что же нового о Дионисии из Идона мог рассказать ему господин Остберг?

История о великом чуде была подобна дороге, укрытой утренним туманом... Дионисий исчез из своего дома в Никее. Говорили, что он был похищен германским вельможей. Якобы тот охотился на библиотекаря долгое время и желал получить от него старинный долг. Но что это был за долг – неизвестно. Как и неизвестно – состоялось ли похищение на самом деле. С этого момента история теряла своего гениального отпрыска.

Куда его увезли – в империю Латинскую? В Европу? Как он умер? Где похоронен?..

Три часа лета прошли для Вадима Арсеньева почти в полусне...

Глава вторая. Клиент Интерпола

1

Весть о том, что в Праге убит профессор истории и знаток антиквариата Владек Пташка, застала комиссара Георгия Горовеца в поезде «Париж – Берлин». Клондайком Пташки были древние рукописи, сохранившиеся произведения искусства, предметы быта и оружие веков минувших.

Краткая информация о его смерти не могла пролить необходимый свет на случившееся. Убит в закоулках старого города выстрелом из пистолета.

Горовецу было приказано немедленно изменить маршрут и в течение суток прибыть в Прагу. Он мог только догадываться, почему выбор пал именно на него. Горовецу, в бытность, когда он занимался пропавшим антиквариатом, не раз приходилось консультироваться у Пташки.

В Прагу комиссар Горовец приехал 26 августа рано утром. В этот теплый и ясный день не хотелось думать, что Владека Пташки, старого доброго человека, больше нет.

Не заезжая домой, он сразу поехал на квартиру покойного...

Поступив на службу в Интерпол напрямую из рядов внешней разведки советской Югославии, Горовец лишился дома как такового. Но для кочевой семьи это было нормальным состоянием. Мать его приехала из России, тогда – Советского Союза, эмигранткой третьей волны, отец был сербским скрипачом странствующей труппы. Он залихватски играл в ресторанах цыганские и южнославянские песни.

Поступив в Интерпол, Горовец менял европейские столицы и города: жил в Белгороде и Марселе, в Лондоне и Стокгольме. Исколесил всю Италию, когда охотился за опасным преступником из новой Украины, отыскал его; получив пулю в плечо, вернул подлеца на родину.

В Праге он жил только год, но за это время успел полюбить прекрасный город на Влтаве.

Горовецу было поручено прямо с вокзала приехать на квартиру покойного профессора. Так он и сделал.

2

– Мы ждали вас, – с порога сказала ему моложавая, по-спортивному поджарая женщина. – Я капитан криминальной полиции Линда Ветлецка. Проходите.

Он хорошо знал эту квартиру. Старинная довоенная мебель. Стеллажи, книги, папки. Среди них и прошла вся жизнь Пташки.

В гостиной работали криминалисты. Дама пригласила его на кухню. На буфете закипал электрический чайник.

– Кофе, чай? – спросила дама.

– Кофе, черный, – откликнулся он.

Та деловито кивнула. Горовец снял пиджак, повесил его на высокую спинку стула.

– Я знал Пташку, – усаживаясь за стол, сказал он. – Но путаюсь в догадках, зачем вам понадобился спецгент по борьбе с терроризмом. Меня просто выдернули из текущих дел. – Он с интересом рассматривал спортивную фигуру капитанши. – Это связано с моим предыдущим профилем работы – с похищенными древностями, кочующими по миру?

– Не совсем, – обернувшись за туркой, сказала она.

По кухне уже полз мягкий аромат кофе. Любимый напиток Пташки! В этой квартире профессор угощал только кофе. Чай вообще могло не оказаться в его доме.

Ветлеца разлила кофе по чашкам. Села напротив.

– Моему шефу стало известно, что последние десять лет Пташка искал ключ к одной исторической загадке. – Ветлеца поднесла чашку к губам. – Загадке очень серьезной – уже потому, что она повлекла за собой череду странных и малообъяснимых событий. Так мне по крайней мере сообщила его ассистентка – Зоя Вайдова. Она сейчас на балконе, скоро я ее позову. Зоя только сегодня утром узнала о смерти профессора. Для нее это был настоящий шок. Я вызвала ее ради вас.

– Понимаю.

– У пани Вайдовой есть очень любопытная информация. Но об этом я расскажу чуть позже – сразу после того, как покажу вам несколько любопытных фотографий.

Ветлеца взяла с буфета большой конверт, вытащила оттуда пачку фотоснимков. Но разложить перед Горовцом их не спешила.

– В Праге море туристов, – продолжала она. – Ежедневно они делают на улицах Пражского града тысячи снимков...

– Получая пулю, Пташка попал еще и под «перекрестный огонь» фотоаппаратов?

– К счастью полиции, почти что так, – кивнула Ветлеца. – Фотоаппарат одного японца, приехавшего в Прагу с семьей, вместе с женой и двумя детьми, заснял все мгновения преступления: Пташку, идущего от Влтавы вверх по улице, его, покачнувшегося, падение профессора.

– И убийцу? – вставил Горовец.

– Возможного убийцу.

– Так покажите мне эти фотографии...

Ветлеца не выпускала снимки из рук.

– Мы предполагаем, что на них запечатлен человек, хорошо вам известный. Ради этого мое начальство попросило направить вас сюда. – Она протянула снимки Горовцу. – Смотрите так, как будто это кадры немого кино.

– Постараюсь.

Улочка, ведущая от реки – вверх, по Пражскому граду, была ему знакомой. Поток людей. Улыбающаяся, луноликая японка и две маленькие девочки. В левой части фотографии, спиной к фотографу, человек в летнем плаще – это Пташка. Чтобы его не спутать, часть спины, открытой объективу, обвели красным карандашом. Он был убит идущим ему навстречу. Кто же они, эти пешеходы? Верзила в легком джемпере, парочка влюбленных. Невысокая молодая женщина, рыжеволосая, в черной кожаной куртке и солнцезащитных очках. На второй фотографии они сближаются. На третьей – наплывают друг на друга. Как видно, японец до времени был скрыт от взгляда убийцы, иначе последний повременил бы со злодеянием, отложил бы его на минуты или часы. Следующие фотографии становились для Горовца все более красноречивы. Вот Пташка падает на колени, все оглядываются. Когда он оказывается на мостовой, улица уже охвачена волнением. Ее течение нарушается. И только молодая рыжеволосая женщина в кожаной курке и темных очках, на предыдущих фото задевшая профессора локтем, неумолимо идет вперед. Заметив фотографа, теперь уже щелкавшего уличную смуту, она спрятала голову и в без того высокий, поднятый воротник куртки.

– Компьютер делает чудеса, – проговорил Горовец, разглядывая последний снимок, на котором лицо молодой женщины было увеличено и отпечатано с максимальной точностью.

– Вы узнаете эту женщину?

Горовец уже различал знакомые черты – широкоскулое лицо, упрямый подбородок. (Рыжее каре, без сомнения, всего лишь парик.) Да и крепкая миниатюрная фигурка, все было очень похоже!..

– Сварите мне еще кофе, капитан, – попросил он. – Самый крепкий, какой только сможете. И кстати, у вас нет коньяка?

Ветлеца понимающе улыбнулась:

– Есть.

Она поднялась, включила чайник. Управляясь с туркой, краем глаза следила за тем, как жадно он рассматривал фото.

– Она и впрямь – та неуловимая особа, с досье которой мне так любезно разрешили познакомиться? – спросила Ветлеца.

Горовец поднял голову:

– Все зависит оттого, информация о ком была в этом досье.

– Международная террористка, убийца по призыванию, неуловимая, умелая не по годам. Лишь один раз попала в руки властей, по юности, но ей помогли убежать. Тогда погибло пятеро полицейских. На вопрос, где и когда был совершен ее первый террористический акт, она ответила: «Дома». Она убила свою мать, отчима и брата. Причина – неизвестна. Работает на ирландцев и на Алькайду. За этой особой взрывы в людных местах – в семи государствах Европы, и десятки, если не сотни, жертв. Не говоря уже о заказных убийствах.

– Анна Ортман, – кивнул Горовец. Фотография притягивала его взгляд, не отпускала. Он кивнул. – Все верно: наш клиент.

– За которым вы гонялись несколько лет, пока она не исчезла из поля зрения Интерпола, – многозначительно добавила Ветлеца.

Горовец усмехнулся:

– Это было моим самым большим разочарованием в жизни. Если не считать позорной порки, публично устроенной мне соседом, у которого я воровал в саду яблоки. Теперь я понимаю, почему вызвали именно меня. А я-то, простак, подумал, что это связано с моей первой работой в Интерполе – поиском украденного антиквариата, и моим знакомством с Пташкой. – Мы ведь и впрямь были с профессором добрыми знакомыми. Что касалось профессиональных интересов...

Ставя перед ним чашку с кофе, Ветлеца понимающе кивнула.

– Предположим, что это она, – продолжал Горовец. – Но какое отношение может иметь международная террористка к безобидному профессору Пташке? – Он беспомощно развел руками, точно требовал немедленного ответа от собеседницы. – Не понимаю! И даже если его убийство заказано, то почему Анне Ортман? Чем он заслужил такой чести? С ним бы справился самый обычный уголовник, да что там – уличный хулиган!.. Вы говорили об исторической загадке и о ключе к ней, который искал Пташка? – отдавая фотографии капитану, проговорил Горовец. – И о том, что есть любопытная информация, которой может со мной поделиться ассистент профессора?

Ветлеца кивнула:

– Информация касается того, чем вплотную занимался профессор Пташка последние годы. Помимо лекций в университете и коллекционирования древностей.

– Я знаю, чем он занимался. Писал книги, бродил по тайным тропам предыдущих веков. Или чем-то еще?

– Пташка исследовал литературу о некоем средневековом ордене. Собирал информацию буквально по крупицам.

– Древний орден, – легонько прихватив подбородок, сказал Горовец. – Лет десять назад у профессора выходила книга – настоящий фолиант. О тайных религиозных обществах древности и Средневековья. Он показывал ее мне. В книге шла речь о многих орденах и сектах.

– Если послушать пани Вайдову, Пташка всю жизнь посвятил изучению одного лишь ордена, – откликнулась Ветлецка.

– Ордена Дракона, – прозвучал незнакомый Горовцу голос.

Комиссар и капитан обернулись. В дверях, прижав платок к губам, стояла заплаканная молодая женщина – темноволосая, кареглазая, в черной водолазке и джинсах. Но голову она старалась держать высоко – обсуждали близкого ей человека. И занимались этим люди, которых она не знала.

– Зоя Вайдова, ученица и ассистентка Пташки, – представила ее Ветлецка. – Комиссар Горовец.

Привстав, Горовец поклонился.

– Садитесь, куда хотите, пани Вайдова, – сказала Ветлецка. И тут же задала девушке знакомый вопрос. – Кофе, чай?

Та отрицательно покачала головой. Ветлецка отправила фотографии обратно в конверт, положила его на край буфета.

– Сам орден нас интересует постольку-поскольку, – сказала она. – Это все история. Но именно его изучение – наиболее реальная причина, по которой Пташку убили. Как говорит госпожа Вайдова, последние годы с ним стали твориться удивительные вещи. Он точно оказался в эпицентре самых неожиданных и невероятных событий. – Она обернулась к девушке. – Верно?

– Все так и было, – усаживаясь на стул, кивнула та.

– Тогда расскажите моему коллеге, по возможности соблюдая хронологию, события последних лет.

Зоя подняла на мужчину заплаканные глаза, понимая кивнула.

– Профессор Пташка делился со мной очень многими секретами. Но самое сокровенное, как оказалось, он держал втайне.

Видно было, что девушка, пытаясь отвлечь себя от случившейся трагедии, собирается с мыслями.

– Я сама узнала об этом недавно, – после короткой паузы продолжала она, – о его увлечении, страсти. Он скрывал ее ото всех. Орден Дракона уже давно стал для профессора наваждением. Но едва Пташка приоткрыл тайник с накопленной за долгие годы информацией, стоило немногому попасть в научную печать, как он стал интересен разным, совсем непохожим друг на друга людям. А главное, по его же словам, близко ничего не имевшим к истории. К нему... стали приходить гости, – последнее слово она произнесла с особым выражением.

Горовец нахмурился:

– Гости?

– Так он их называл. Разные люди, которые были остро заинтересованы в его открытии. Пусть то касалось манускриптов, связанных с орденом Дракона, или изображения дракона на печатках, амулетах, оружии. – Зоя приложила руку к шее. – Можно воды? В горле пересохло...

Сделав пару глотков, девушка поставила бокал на стол.

– Изображение дракона в шестиконечной звезде – неизменный знак ордена. Будь то печать на средневековом документе, рисунок на кольце или в центре крестовины меча. Профессор не сомневался, что изображение дракона в шестиконечной звезде было священным. Пташка рассказал мне обо всем неожиданно. Он сказал, что все эти люди – его «гости» – охотились друг на друга. А приманкой они выбрали книгу, посвященную тайным обществам прошлого. И... золотой амулет.

– Амулет? – нахмурился Горовец.

Вайдова кивнула.

– Однажды профессор сказал мне, что уже готов проклясть свой труд. На книге, точно на карточной колоде, разыгрывали его судьбу. Иногда ему казалось – его жизнь и его смерть. А главным козырем, это слова самого Пташки, как раз и был золотой амулет.

Отпивая горячий кофе, Горовец слушал девушку внимательно, не пропуская ни одного слова. Выраставшая картина, по мере рассказа наполнявшаяся новыми красками, штрихами, все больше завораживала его воображение...

3

Еще студентом Владек Пташка был страстно увлечен средневековой символикой. Первый раз он увидел дракона, заключенного в шестиконечную звезду, дни напролет изучая редкие книги по Средневековью. Подпись на латыни гласила: «Дракон восставший». Владек спросил у своего учителя, что бы это могло значить, но толкового ответа не получил. Пташка почти забыл о странном символе, пока не оказался в румынском замке, где с другими студентами-выпускниками участвовал в раскопках. Их водили по ветвистому, не знавшему конца и края подземелью полуразрушенного замка рыцарей Волковичей. Предание этого рода гласило, что дочь северного аристократа, умевшая крепко держать меч, по воле отца вышла замуж за румынского князя.

Объединение династий было подкреплено красноречивым девизом: «Волк к волку идет собираться в стаю!»

Они, студенты, открывали двери, откуда веяло сыростью и могильным холодом. В одной зале, куда они попали случайно, Владек долго водил лучом фонаря по стене. Он чувствовал, что древний камень что-то скрывает. Вся стена была покрыта мхом, но странный рисунок угадывался через аспидно-изумрудную зелень. Взяв нож и не долго раздумывая, Владек полоснул по «ковру», источавшему запах растительной гнили. И уже через пять минут ему предстало изображение – дракон в шестиконечной звезде! Отстав от экспедиции, он бросился смахивать мох и с других стен. На каждой, размером в два человеческих роста, очерив пасть, на него – через века! – смотрел дракон. И та же надпись, что и в древнем манускрипте, была под каждым, высеченным из камня, изображением: «ДРАКОН ВОССТАВШИЙ».

Пташка сделал снимки и пошел оправдываться за отлучку.

Очень скоро он нашел человека, который смог ему помочь в дальнейшем поиске. Это был старый чудаковатый профессор Карл Марек, давно вышедший на пенсию, и, как считали многие, выживший из ума. Марек принял студента радушно, с интересом рассмотрел сделанные им фотографии.

– Возможно, – сказал старик профессор, – это злая шутка средневекового отступника. А может быть, и куда хуже...

– Например? – спросил Пташка.

– Знак тайной секты, о которой мало теперь кто вспомнит. Шестиконечная звезда – древний каббалистический символ. Звезда-лабиринт. Разумеется, если брать ее классическое изображение. Понять сцепку всех линий в ее сердцевине невозможно. Древние иудеи рассматривали эту звезду как средоточие всех вселенских тайн. Но почему дракон? В сердцевине этой звезды? Думаю так: кто-то решил, что именно зверь является центром и хозяином всего мироздания, всего сущего. Более того, уверен: «Дракон» – имя собственное. Речь идет одновременно о символе и живом существе, в существование которого свято верили!

– О живом существе, – как завороченный, пробормотал тогда Владек Пташка. И тотчас сказал. – Хочу знать о нем больше, профессор Марек.

– А не боитесь? – лукаво улыбнулся старик.

– Нет! – горячо ответил студент.

Старик пожал плечами:

– Могу дать совет. Вам стоит поискать ответ в средневековых арабских источниках. Им было легче уцелеть в те века! Будут деньги, поезжайте в Кордову, к моему другу и ученику Мигелю Фуэнтесу, профессору истории, арабисту. Если вам повезет, он поможет студенту-энтузиасту из Чехословакии.

Целый год Пташка копил средства и штудировал арабский язык, на котором писал Аверроэс.

А затем, все бросив, уехал в Кордову, отдал рекомендации дону Фуэнтесу и засел за нужные книги. Он не просто отыскал в них упоминание о «Драконе восставшем». Арабские книги говорили, что Дракон пришел из древних времен, и след его терялся в знойных просторах Ближнего Востока. Дракону поклонялись, просили у него заступничества и верили в его грядущую славу. Ему приносились человеческие жертвы. Добрые христиане, как могли, боролись со «слугами Дракона», книги о нем сжигались на кострах инквизиции, мечи и щиты с эмблемой Дракона переплавлялись, расплавленную сталь окропляли святой водой. Последователей этой ереси ждал костер или просто площадьная расправа.

Вернувшись в Прагу, Владек узнал, что профессор Марек умер. Пришлось действовать в одиночку. Его не удивило, что князей Волковичей преследовали везде и всюду. Главный их грех был ясен и прост – дьяволопоклонничество.

Через пять лет раскопок в Румынии под развалинами одного из замков Волковичей Пташка попал в старинные подвалы. Там, в зале с изображением Дракона, он нашел то, что искал: алтарь и почерневшее от крови жертвенное ложе с цепями для рук и ног. Сомнений не оставалось: тут Волковичи задабривали своего бога, убивая людей.

Пташке во что бы то ни стало хотелось отыскать следы той юной северной аристократки, которую выдал старик отец за румынского князя.

Путь из Румынии привел в Германию, оттуда на север Европы. Два года ушло у Пташки на поиски в Скандинавии, пока там, под городком Гульденштерн, в местности, именуемой Волчьё логово, он не обнаружил на горе развалины замка. Во времена Второй мировой тут шли бои. В замке от союзников отбивалась часть грозной дивизии СС. Авиация и артиллерия сделали свое дело – фашисты погибли под развалинами. Историки вынесли вердикт: замок восстановлению не подлежит. Что до местности, то она была гористой и суровой, совсем непригодной для земледелия.

О развалинах решили забыть.

Взяв с собой двух учеников, около месяца Пташка лазил по развалинам, пока наконец не попал в подземелье. Там, в дальних коридорах, Пташка и обнаружил наполовину разрушенный барельеф, высеченный в камне: портрет старика аристократа и молодой девушки в рыцарском облачении с мечом. Поверх кольчуги рыцаря Пташка различил искусно вырезанный медальон – шестиконечную звезду с драконом в середине. Они, мужчина и девушка, были похожи – оба широкоскулые, с волевыми лицами, твердым взглядом. У Пташки даже сердце екнуло: перед ним – отец и дочь!

Теперь оставалось узнать, кому принадлежал замок на Волчьей горе. Много месяцев ушло у Пташки на этот поиск в архивах Гульденштерна, но нить обрывалась в середине тринадцатого века. Последний известный хозяин, как писалось в архивных документах, «завладел замком, выбив оттуда некоего герцога, дьяволопоклонника». Для себя Пташка понял: старик аристократ и его дочь являлись последними поклонниками Дракона, которых изгнали из их родового жилища. А девушка-рыцарь была той самой юной аристократкой, что отправилась в Румынию и стала женой князя Волковича.

Раскопки на Волчьей горе Пташке пришлось временно прекратить – надо было преподавать, зарабатывать на жизнь. А потом наступил шестьдесят восьмой год: советские танки вошли в Прагу, между двумя лагерями, как нож гильотины, опустился железный занавес.

Только один раз, в семьдесят восьмом, уже профессором Пражского университета, ему удалось попасть в те места. Он вырвался в Гульденштерн на сутки, заночевал в гостинице. В поместье Волчьего логова он решил навеститься ранним утром...

...До горы оставалось не более пятидесяти километров, когда Пташка обнаружил, что за их машиной следует серебристый БМВ. Секретная служба, решил он. А вдруг профессор – шпион из соцлагеря?

Пташка миновал каменный мост над руслом пересохшей речки, именовавшейся Черной, въехал на Волчью гору. Вскоре он обошел руины, отыскал вход в подземелье. Выстрелив лучом фонаря вперед, шагнул вниз. Ступени, поворот... Внезапно луч его фонаря уперся в стену. Пташка не верил своим глазам. Откуда?! Он ощупывал руками камни, толкал их, точно ребенок – нарочно запертую дверь, почти бессознательно. Пташка готов был расплатиться, но факт оставался фактом – плоды его работы перечеркнули!

Пташка поднимался, держась за ту же стену, точно ослепший. Два раза споткнулся. Надежда, что однажды он откроет в замковых подвалах нечто – откроет всему миру! – улетучивалась, рассыпалась на глазах.

Вновь серое утреннее небо, крики птиц...

Пташка выбрался из руин и пошел к развалившейся стене. А преодолев ее, стараясь не оступиться, едва не налетел на пожилого незнакомца.

В светлом плаще, сером берете и черных перчатках, тот стоял по ту сторону обвалившейся стены и, кажется, только и дожидался его – Владека Пташки. Но каким хищным было выражение лица у этого господина!

– Простите, – по-немецки сказал незнакомец опешившему профессору, – не хотел вас напугать. Простите...

– Да нет, ничего, – пробормотал не ожидавший преследования Пташка.

Переступая с камня на камень, он коснулся плечом плеча незнакомца и тотчас услышал вопрос в спину:

– Вы историк?

– Да, – обернулся Пташка.

– Я так и подумал, – откликнулся незнакомец заговорщицким тоном.

– Историк, – хмуро подчеркнул ученый. – Не советский шпион, заметьте.

– Профессор Владек Пташка?

Ученый понял, что от разговора с работником спецслужб ему не уйти.

– Именно так. Вы, верно, читали мое досье, коль «сопровождаете» меня?

– Ну, как вам сказать, – все так же заговорщицки пробормотал тот.

– Да чего уж, не стесняйтесь, говорите.

Незнакомец цепко посмотрел в глаза профессору:

– Скажите, зачем вам понадобился замок на Волчьей горе?

– Послушайте, – не желая слишком распространяться, устало проговорил Пташка. – Это дело науки, но никак не политики. И я никакой не связной, честное слово. – Он доверительно вздохнул. – Когда-то я проводил тут раскопки: меня заинтересовали развалины замка, его подземелье. И хозяева Волчьей горы – аристократы, которые владели этим замком в Средние века. Если быть точным, в начале тринадцатого века.

– И что же в них такого особенного, в хозяевах Волчьей горы, что вы не поленились забраться сюда? – став жестким, колючим, оживился незнакомец. В его голосе звучал вызов. – Даже рискуя быть обвиненным в шпионаже!

Профессор обернулся к навязчивому преследователю:

– Я думал, разведчиков интересует день сегодняшний. Может быть, вчерашний. Но никак не то, что происходило семь веков назад!

– Разведчиков – может быть, но не меня.

Пташка недоуменно уставился на собеседника.

– Вы меня разыгрываете?

Тот покачал пальцем у самого носа профессора:

– Ни в коем случае.

Пташка вконец растерялся.

– Кто же вы тогда? Как вас зовут?

– Простите, забыл представиться, – приложив руку к беретке, козырнув, поклонился незнакомец. – Адольф Адельборг.

– И вы... не работаете на ваше правительство?

– Боже упаси – я не люблю никаких правительств.

– Вы – историк? – подумав, спросил Пташка. – Краевед?

– Просто незаметный человек, – пояснил его спутник. – И вам не враг. Но предупредить вас обязан...

– Предупредить? – нахмурился Пташка.

– Именно так. – Он утвердительно покачал головой. – Поубавьте пыл, господин Пташка. Поумерьте его, что касается этого замка и его исторических обитателей.

Пташка опешил. Он даже не сразу нашелся, что ответить на этот выпад.

– Вы странно со мной разговариваете, – вглядываясь в сухое лицо незнакомца, точно желая угадать – кто он на самом деле, недоуменно проговорил чех. – Мне не нравится ваш тон...

– Да наплевать мне, нравится вам мой тон или нет, ясно? – сделав шаг вперед, ядовито бросил новоиспеченный господин Адельборг. – Зарубите себе на носу: вам следует забыть о том, что вы тут нашли лет этак двенадцать назад. Даже смешно просить о такой мелочи!

– Подождите, что?

– Вам следует забыть о своей счастливой находке, – Адельборг говорил с настойчивостью, очень холодно, почти враждебно. – Вам она не принадлежит.

– Вы говорите о портрете в камне? О старике и девушке с мечом? Его дочери...

Лицо господина Адельборга стало хищным, отталкивающим.

– Откуда вам известно, что она его дочь?

Пташка пожалел о том, что проговорился. Нужно быть осторожнее. Его собеседник был по всему типу неуравновешенным. Может быть, опасным.

– Мне так показалось, – осторожно ответил он.

– Напрасно вам это показалось, – процедил тот. – Тем не менее, если не хотите накликать на себя беду, забудьте о портрете. И забудьте о том, другом, что искали, но не нашли.

Пташка оцепенел.

– Я не понимаю, о чем вы...

– Все вы прекрасно понимаете, профессор. Не делайте из нас обоих дураков. Ведь вы искали алтарь, на котором приносили жертвы Дракону, верно?

– Скажите, – не отпуская хищного взгляда Адельборга, проговорил Пташка, – откуда вам известна моя фамилия. Вы следите за мной, но как давно?

Его спутник усмехнулся:

– Я лучше скажу вам другое. Адельборг – моя фамилия по отцу. Хотите узнать фамилию по матери?

– Мне она безразлична, – отрезал Пташка.

– А я так не думаю, профессор, – вкрадчиво улыбнулся его собеседник. – Фамилия моей матери – Волкович.

Пташка почувствовал, как кровь отхлынула от его лица. Эта перемена не укрылась от Адельборга.

– Вижу, попал в самую точку, – сказал тот. – Так вот, мой вам совет. Не приезжайте больше на эти развалины, не пытайтесь попасть в подземелье. Замок на Волчьей горе принадлежит другому человеку.

– Кому же? – не сразу спросил Пташка.

– Так трудно догадаться? – ответил вопросом на вопрос господин Адельборг. И сам дал ответ: – Замок принадлежит его хозяину – и он очень скоро вернется сюда! Не хотелось бы, чтобы он тут обнаружил термитов вроде вас, – добавил господин Адельборг.

– Так это вы замуровали ход в подземелье?

– Мы, – многозначительно добавил новый знакомец Пташки. – И еще, – уже собираясь уходить, усмехнулся он. – Забудьте о той глупости, которой занимались половину своей жизни, чтобы не потерять вторую ее половину. Вам должно быть известно, что термитов уничтожают без жалости и сожаления. – Господин Адельборг, сейчас показавшийся чешскому ученому сумасшедшим, рассмеялся. – А теперь – прощайте. – Он сорвал с головы беретку, расплескав клочки седеющих волос, взмахнул ею. – Прощайте, профессор!

Когда таксист вез ученого обратно, Пташка вновь увидел серебристый БМВ, следовавший за ними по пятам. Он предложил таксисту остановиться за первым поворотом. Преследуя их авто, БМВ проскочил мимо на близком расстоянии. В машине, все это время от них не отстававшей, сидел вовсе не господин Адельборг, а два молодых субъекта. Видимо, преследователями все-таки были работники спецслужб.

4

Вернувшись домой, Пташка долго не мог прийти в себя: его историческая находка для кого-то имела сакральный смысл!

Ближайшие годы он был занят преподаванием на кафедре и созданием частных коллекций. Только девять лет спустя, когда железный занавес был поднят и сдан в утиль, Пташка опубликовал часть своей книги, посвященной ордену Дракона.

Именно – ордену.

К этому его подтолкнуло письмо из Кордовы от дон-Фуэнтеса, уже древнего старика. В письме оказалась копия отрывка из редкой книги арабского хрониста ал Багури. Среди прочего он упоминал о последователях Дракона, как о немногочисленном религиозном ордене с магистром во главе.

«Целью существования, – отмечал ал Багури, – рыцари ордена ставят обретение святыни, великого Оружия, которое поможет им завоевать мир. Они носят христианский крест поверх камзола и дракона в шестиконечной звезде на груди – под рубахой. Стать посвященным в тайны ордена – задача сверхсложная. Поэтому численность посвященных небольшая. Но члены ордена и не стремятся к обратному. Им не нужна огромная армия, но только потому, что все решит сила обретенного ими Оружия. К кому оно попадет первым, считают они, тот и будет повелителем мира».

В конце Ал Багури красноречиво уточнял:

«Рыцари ордена Дракона свято верят, что Оружие подарено им для грядущей битвы. И они должны его найти во что бы то ни стало».

Сразу за публикацией Владеку Пташке позвонил незнакомый человек из Сербии и представился «Мирославом Владовичем».

– Меня очень заинтересовала ваша работа, посвященная ордену Дракона, – в тот день сообщил абонент, обладатель приятного баритона. – Дело в том, пан Пташка, что я занимаюсь историей тайных обществ, в частном порядке, – добавил он, – и не один раз сталкивался с изображением Дракона на предметах древности. Могли бы мы встретиться и поговорить?

– Только в том случае, если вы покажете мне ваши находки.

– С огромным удовольствием, – ответил Мирослав Владович.

Они договорились встретиться через три дня, в полдень, у Пташки дома.

Ровно в полдень, едва пробили часы, в квартире раздался звонок. Пташка, не спрашивая – кто, открыл дверь. На пороге стоял высокий спортивный мужчина лет тридцати пяти, в светлом плаще, широкополой фетровой шляпе, в черных кожаных перчатках. Лицо его было аристократически-утонченным, глаза пронизательными, над верхней губой, лучиками, расходились тонкие усики. В руке он держал дипломат.

– Профессор Владек Пташка? – спросил гость.

– Да, – ответил уже немолодой хозяин.

– Мирослав Владович, – представился тот.

Пожимая руку гостя, Пташка разглядел на его безымянном пальце огромный изумруд в золотой оправе. Наверняка дорогущий! Уже через минуту гость положил на стол дипломат и открыл его. На рельефном бархатном дне в специальных формах покоилось три футляра. Так оберегать экспонаты мог только истинный коллекционер!

В первом футляре хранился кинжал с изображением дракона на рукояти, во втором – средневековое огниво с той же печатью...

– Что же вы приготовили мне на закуску? – спросил Пташка. – Что в третьем футляре?

– Откройте сами, – предложил гость.

Пташка аккуратно вытащил футляр из бархатных тисков, открыл крышку.

– Неплохой экземпляр, правда? – спросил Владович.

Да, и он превосходил все ожидания Владека Пташки! Профессор осторожно зацепил пальцами золотой амулет, положил его на ладонь. В широкой шестиконечной звезде, в круге, очертив зубастую пасть, изогнулся дракон.

– Неплохой – не то слово! – вырвалось у Пташки. – Это украшение было чем-то вроде...

– Креста – для верующего в Иисуса, – закончил его мысль Владович. – Вы это хотели сказать?

Они переглянулись.

– Да, – многозначительно кивнул Пташка. – Именно так!

Между зубьями звезды, прямо над головой дракона, приютилось крохотное ушко. Владович указал на него:

– Такой амулет рыцарь воинства Дракона носил на шее.

– Кому же принадлежал этот амулет? – риторически спросил Пташка.

– Думаю, не простому рыцарю, а знатному господину. Возможно, самому магистру, – задумчиво откликнулся Владович.

Пташка перехватил его взгляд:

– Вы тоже считаете, что это был орден?

– Я знал об этом до вашей публикации, – кивнул его гость. – Что до амулета, то с одной шеи он переходил на другую. – Гость вновь улыбнулся, и его усики-стрелочки расплзлись в стороны. – Король умер, да здравствует король!

Пташка вложил золотой амулет в футляр. Но, спохватившись, вновь достал его, перевернул. Сощурил глаза. Отодвинул ящик стола, полез за лупой. Прицелился.

– «Дракон восставший», – предупредил его открытие гость. – Надпись почти стерта от времени, но прочитать можно. Если вы владеете древним арамейским.

Пташка взглянул на гостя, вновь – на амулет, опять – на Владовича.

– Я плохо знаю арамейский, но поверю вам на слово... Сколько же ему лет?

– Много, очень много, – кивнул гость. – Нам с вами и не сосчитать.

Пташка прошелся по гостиной.

– Скажите, какова цель вашего визита? Вы не похожи на того, кто приехал за консультацией. Что вам нужно именно от меня?

Гость попросил хозяина сварить кофе, а когда Пташка вернулся с подносом в гостиную, Владович стоял у окна и смотрел на улицу. Там, над Прагой, над Старым градом, плыли осенние облака.

– Мой визит носит научно-деловой характер, – проговорил он, когда Пташка поставил поднос на стол. – Я бы хотел, чтобы вы издали от своего имени альбом, где будут представлены около десятка тайных обществ разных времен. Материалы я вам передам. Раздел, посвященный ордену Дракона, в этом альбоме должен быть лишь одним из разделов. Никаких акцентов! Так же необходимо, чтобы этот амулет, – гость кивнул на футляр с золотым драконом, – обязательно фигурировал в книге. Его фотографию мы представим с обеих сторон – на разворот альбома. На фото будет различима каждая царапинка, не говоря о надписи! Часть экспонатов мы объявим в продажу, но амулета среди них не будет. – Гость требовательно зацепил взгляд профессора. – Очень возможно, пан Пташка, что вскоре появятся люди, которые во что бы то ни стало захотят купить его. И если они обратятся к вам, то вы направите их ко мне.

– Вы готовы упустить это сокровище? – изумился Пташка. – Да ему цены нет!..

– Цена есть всему, что сделано из камня, дерева или металла, – возразил гость. – Есть цена и золотому дракону.

– Но к чему все эти сложности? – удивился Пташка.

Усики-стрелки на лице гостя дрогнули. Глаза лукаво сощурились.

– Скажем так, я ищу своего покупателя. Ищу того человека, которому понадобился бы мой амулет. Ищу уже давно. Сколько времени вам понадобится для создания такого альбома?

– Но я пока не дал вам согласия...

– Поверьте, гонорар будет достаточным. Сколько вы хотите: двадцать тысяч долларов, тридцать, сорок?

Пташка язык проглотил.

– Пятьдесят вас устроит? – нахмурился гость.

– Думаю, да...

– Вот и отлично. Меня так больше интересуют сроки, – признался Мирослав Владович. – Полгода вам хватит? Я очень тороплюсь.

– Думаю, хватит, – сказал Пташка.

Гость полез в нагрудный карман пиджака, достал оттуда пачку банкнот.

– Это задаток, – он положил деньги на стол. – Десять тысяч. После подготовки черного варианта вы получите еще пятнадцать. И оставшиеся двадцать пять сразу после выхода книги. Через неделю вы получите всю необходимую информацию. Мой секретарь будет поддерживать с вами связь. Но если понадоблюсь я лично, то всегда к вашим услугам. – Он вытащил из кармана визитку. – Можете звонить в любое время дня и ночи.

За сим Мирослав Владович вернул все три футляра в дипломат, закрыл его и приготовился уходить.

– Главное, что вам следует помнить, – в его тоне появилось много серьезных, даже предостерегающих ноток. – Никому не говорите о моем визите к вам и о будущей книге. Поверьте мне на слово, не стоит. Если заметите что-то странное, необычное, сразу оповестите меня.

– Странное и необычное, но – что?

– Скажем, людей, которых вы не знаете, но которым вы станете очень интересны. Я всегда смогу помочь вам.

На том Мирослав Владович и откланялся. Открывая ему дверь, Пташка разглядел на площадке, маршем ниже, двух мужчин в плащах. Телохранители, догадался он.

Профессор вернулся в гостиную, зацепив пальцами визитку, прочел: «Мирослав Владович, коллекционер древностей». И адрес: Югославия, город Драгов, т. д. и т. п.

Через неделю к нему прибыл человек от Владовича, по виду – педантичный сухарь, исполнитель. Звали его Зоран Радович. С собой он привез целый чемоданчик, набитый текстами и фотографиями экспонатов. Пташка диву давался, разбирая привезенные материалы. Чего тут только не было! О каких только сектах всех времен и народов не упоминалось в архиве Владовича. Точно этот антиквар шел через все эпохи, заглядывал в дома, храмы и замки, и, прикладывая палец к губам, шипя: «Тсс!», – без спросу брал что-нибудь на память. И все же экспонатов, связанных с орденом Дракона, оказалось особенно много.

Пташка работал вдохновенно, часто – по двенадцать часов в сутки, и через пять месяцев поставил точку на последнем листе черновика. Рассказывать о своей работе знакомым, даже самым близким, он не посмел: уговор есть уговор.

На следующий день после того, как Пташка объявил свою работу законченной, порог его дома переступил Мирослав Владович.

Была середина весны. Гость протянул хозяину дома бутылку французского коньяка, сбросил пальто и, потребовав рукопись, сел в кресло и углубился в чтение.

Двумя часами позже Владович поднялся, положил прочитанную рукопись на стол и накрыл ее ладонью. В жесте было что-то хозяйское, волевое, точно он ставил печать, выжигал тавро, подводил последнюю черту.

– Ваша книга великолепна, – проговорил гость.

Пташка, утомленный ожиданием, облегченно вздохнул.

– Но, мне кажется, вы ознакомились не со всем материалом? – убежденно предположил гость. – Вы, профессор, упустили одну маленькую деталь...

– Какую же? – наострил слух Пташка.

– Рыцари ордена Дракона, жившие в тринадцатом веке, интересовались неким византийцем...

– Да, что-то припоминаю, – утвердительно закивал Пташка. – Кажется...

– Дионисий из Идона, – напомнил ему Владович.

– Его еще прозвали Близоруким, верно?

– Именно так, пан Пташка, – кивнул Мирослав Владович. – Имя этого человека необходимо включить в нашу книгу.

– А чем он так важен, этот Дионисий? Если не секрет, конечно?

Первый раз профессор увидел легкое замешательство на лице своего таинственного гостя. Задел-таки за живое эту скалу!

– Он просто важен, – холодно и без объяснений ответил Владович. Гость отнял руку от кипы листов – снял наконец-таки печать. Точно решая, может или нет сказать большее, устремил на собеседника пронзительный взгляд. – Орден Дракона считал, что Дионисий владеет крайне важной для них тайной. Далее, профессор. Закончить главу об ордено Дракона следует словами ал Багури: «Целью существования рыцари ордена ставят обретение святыни, великого Оружия, которое поможет им завоевать мир».

– У вас отличная память! – улыбнулся Пташка.

– Великолепная, – как ни в чем не бывало отозвался его гость. Заложив руки за спину, Владович прошелся по комнате. – Что до информации о Дионисии, то она должна прозвучать убедительно. Я хочу, чтобы она вызвала особый интерес у читателя. – Обернувшись к хозяину дома, он добавил: – Это очень важно для меня. Есть вопросы, уважаемый профессор?

Пташка легко пожал плечами:

– Нет.

Довольный удачным ходом дела, Мирослав Владович предупредил его, что завтра придет переводчик-англичанин, ведь книгу надо будет опубликовать как минимум на двух языках. А также редактор и два корректора. Выложив перед автором обещанные пятнадцать тысяч, гость заверил профессора, что в день издания тот получит вторую половину всех

денег. Затем серб откупорил дорогой коньяк, и они выпили за сотрудничество. Владович пообещал, что презентация книги в салоне, о котором он сообщит чуть позже, будет на высшем уровне.

– Но ни слова обо мне, – в завершение их встречи очень серьезно предупредил заказчик. – И о том, что я жду покупателя амулета. Я верю вашему слову, пан Пташка.

Профессор понимал, что в игре Мирослава Владовича он был пешкой. Но что подделашь – платили-то хорошо! Проводив заказчика, Пташка вернулся в гостиную, налил рюмку коньяку и уставился на рукопись. Чем же был так важен его благодетелю этот Дионисий из Идона? И какой такой тайной он владел, что им интересовался орден Дракона?

Альбом превзошел все ожидания автора. Он был великолепен. Роскошная суперобложка, мелованная бумага. Одно удивило автора: в альбоме значилось, что «большинство экспонатов взято из коллекции профессора Зданека Здановича», чья фамилия оказалась обведена в черную рамку, а сама коллекция принадлежит компании «Элефан».

Но даже темная сторона этой истории не могла омрачить великой радости профессора Владека Пташки.

5

Через неделю после открытия выставки Пташка уже готов был сбежать от поздравлений на край света. Он даже боялся брать трубку телефона! Профессор экипировался для поездки на дачу к своим друзьям, когда его телефон вновь ожил.

– Алло, – проговорил он в трубку, решая, какой еще свитер прихватить с собой в дорогу.

– Пан Пташка? – женщина, обладавшая металлическим голосом, очень хотела сделать его приятным и располагающим.

– Именно так.

– Меня зовут Клара Чёрна.

– Очень приятно.

– Мне также, пан Пташка. Я звоню по крайне важному делу.

– Слушаю вас.

– Я прочитала вашу книгу от корки до корки, была на вернисаже и... выбрала то, что очень хотела бы купить.

Пташка улыбнулся: теперь он еще и менеджер по продажам!

– А почему вы не сказали об этом в салоне?

– Видите ли, я хочу приобрести ту вещь, которая не указана в каталоге продаж...

Вот оно что!

– Боюсь, я вряд ли смогу вам помочь...

– А вы постарайтесь, пан Пташка, пожалуйста. – Металлические нотки в голосе плавились от приветливости и выражения самых добрых намерений. – Я буду очень щедрой, клянусь вам!

Как ему ни хотелось, но пришлось отвлечься.

– Что же вас интересует?

– Мне кажется, это не совсем телефонный разговор, – голос стал вкрадчивым, тон – заговорщицким. – Давайте с вами встретимся?

– Это вряд ли, я уезжаю.

– Я звоню из кафе, что напротив вашего дома. Прямо-таки по-соседски, правда? – вкрадчиво добавила она.

Недоумевая, Пташка подошел к окну. В этом кафе он частенько завтракал, когда готовить самому было лень.

– Но... откуда вы узнали, где я живу?

– Это было несложно, поверьте мне. Вы стали знаменитым.

Вот человеческая натура: самая неприкрытая лесть, а приятно!

– Хорошо, – отозвался он. – Я вам уделю десять минут, но не больше.

– Благодарю вас! – зазвенел раскаленный от теплых чувств металлический голос дамы.

Когда через четверть часа он вошел в кафе и отыскал глазами назойливую просительницу, – хватило одного взгляда! – то едва не выбежал вон. Бывают люди, внешность которых не то чтобы шокирует, но укладывает наповал, как удар обухом по голове. У вас пропадает дар речи, пересыхает в горле, начинается легкое головокружение. А когда такой человек смотрит вам в глаза, и точно назло – в упор, вы готовы отключиться.

Пани Чёрна была именно такой женщиной. Прежде чем разглядеть всю ее тушу, Пташку укололи маленькие черные глаза, нежно сощуренные, и улыбка – приторная и ледяная одновременно. И только потом он увидел пани Чёрну всю. Сокрушительно-огромная, похожая на грозовую тучу – в черном кожаном плаще, едва сдерживающем ее формы, она просто пожирала собой пространство! Ее смоляные волосы хитрющим образом заплетались на голове и, как пить дать, каждый локон скрывал змеиную голову. Массивным носом, похожим на вытянутую редьку, она могла при желании нанести случайно налетевшему на нее человеку травму. А от ее родинки, багровой, набухшей, величиной с виноградину, прилепленной к верхней губе, сжималось сердце.

Грозовая туча улыбнулась Пташке как раз в то мгновение, когда он мысленно пролепетал: «Боже праведный...»

– Очень, очень приятно, – пока он отодвигал стул и садился напротив, лопотала дама.

– Я вас слушаю, – стараясь не выдать своих чувств, проговорил профессор.

Пани Чёрна улыбнулась еще приторнее.

– Не то, чтобы я увлекалась древностями, пан Пташка, – начала она, – я от этого далека, но некоторые безделушки собирать люблю. И одна из этой коллекции мне уж больно приглянулась.

– И какая же? – спросил Пташка, неожиданно решив, что родинка на верхней губе пани Чёрны живет своей жизнью, как самостоятельный организм, самоуверенный паразит, где-нибудь на загривке кита.

– Не подумайте, это не нож и не копье. Мне, женщине мирной, оружие даже не нравится. – Она подалась вперед, и вся ее туша, обтянутая черным кожаным плащом, устрашающе колыхнулась. – Это маленькая вещица. Крохотусечная. Амулет...

До этого Пташка старался не встречаться с пани Чёрны взглядом. Шарил глазами по стеклянным витринам за стойкой бара, в лучшем случае останавливал внимание на отдельной части лица собеседницы. Благо, все они были достойны внимания и тщательного изучения. Будь он антропологом, так бы и сидел напротив нее часами. Но тут Пташка непроизвольно взглянул в глаза дамы.

– О каком амулете идет речь?

– Вы должны помнить, профессор. Это дракон в шестиконечной звезде.

– Я помню, – кивнул он. – Золотая вещица... В прямом и переносном смысле, – зачем-то добавил он.

– Вот-вот – золотая, – подтвердила пани Чёрна. – И такая изысканная. – Неожиданно, и как пить дать – непроизвольно, улыбка сошла с ее лица. – В моем вкусе.

Только сейчас Пташка увидел руки собеседницы – огромные и толстые, все пальцы которых, с грубыми ногтями ярко-алого цвета, были сдавлены золотыми перстнями.

– Вы мне поможете? – вкрадчиво спросила дама.

Пташка раздумывал, что ответить. Все, что ему говорил об амулете Мирослав Владович, сейчас хаотично бродило в голове, не желая выстраиваться в логический ряд. Ему мешал пронзительный взгляд пани Чёрны. Он уже чувствовал легкое головокружение. Даже

недомогание. Пани Чёрна смотрела на него так, точно говорила: «Милый мой пан Пташка, соглашайтесь, а не то я выманю вашу душу и проглочу ее у вас на глазах!».

– Вам, наверное, известно, что я только написал книгу, – глухим голосом пролепетал он. – Экспонаты мне не принадлежат. Они – чужие...

– Конечно, знаю, – металлическим голосом проговорила грозовая туча. – Они принадлежали некоему Здановичу, теперь – какой-то компании. Это не важно, – тут же заверила она его. – Я бы хотела купить эту вещицу, все равно у кого.

– Хорошо, я сведу вас с ними, – откликнулся профессор.

– Меня это не устраивает, милый пан. – Ее родинка приплясывала вместе с верхней губой, отвлекая внимание Пташки. – Думаю, вы бы не отказались хорошенько заработать. Правда?

– Заработать?

– Ведь вы не миллионер, пан Пташка, я так думаю. А я бы предложила вам хорошую сделку. Только, чур, чтобы все было инкогнито.

– Мне хватает денег, пани Чёрна, – попытался воспротивиться он.

– Вам это не составит никакого труда, пан Пташка. – Ее голос изменился. Улыбка канула без следа. – А лишние деньги не помешают...

Ее пальцы, стянутые золотом, раздраженно и нервно цеплялись друг за друга. Руки пани Чёрны были точно два маленьких откормленных хищника, что зло покусывали друг друга, боролись за первенство. И борьба эта готова была перейти в драку.

– Денег мне ваших не нужно, – глядя на руки собеседницы, проговорил Пташка. – Я вам устрою встречу с моим заказчиком.

– У меня другой план, – выдавив из себя улыбку, процедила пани Чёрна. – Я все продумала. Я дам вам денег, и вы купите амулет у компании. За посредничество – двадцать тысяч долларов.

Руки Клары Чёрны продолжали терзать друг друга. Но теперь Пташка понял, что ошибся. Эти откормленные зверьки не собираются соперничать друг с другом. Скорее они готовы сообща броситься на кого-нибудь, и тогда ярости их не будет предела. А на кого они целились, гадать долго не стоило. Длинные грубые ногти так и вонзались в ладони, в пальцы.

– Двадцать тысяч? – не сразу переспросил Пташка.

– Наличными, – уточнила она. – Тотчас же по передаче.

«Двадцать тысяч за безобидную аферу? – недоумевал Пташка. – Да они все спятили с этим амулетом!»

– Хорошая сделка, разве нет? – колючие стальные нотки звенели в голосе гигантши, а пальцы не унимались. Пташке даже показалось, что ее толстые руки незаметно двигаются по направлению к нему, ползут через стол. – Ну же, профессор?

Сделав усилие воли, Пташка поднял на собеседницу глаза. Улыбка пани Чёрна точно говорила: «Поглядите, что вы со мной делаете, уважаемый пан: так и до худого может дойти».

Но сделка и впрямь была хороша!

– Я согласен, – четко проговорил он. – Если они продадут мне этого дракона, считайте, что он ваш.

Она выдохнула:

– Великолепно! – и подалась всей тушей, обтянутой черным кожаным плащом, назад. Кажется, спинка стула была в серьезной опасности. Как и пол самого кафе.

– Я позвоню им сегодня же. – Пташка уже вставал с места, задвигал за собой стул. – А вы мне звоните завтра. Ради такого случая я даже перенесу поездку денька на два.

– Вы настоящий джентльмен, пан Пташка! – оживленно кивала пани Чёрна. – И деловой человек тоже. – Ее палец с хищным ногтем одобрительно качнулся в сторону уже готового дать деру профессора. – Один только вопрос, пан Пташка...

– Да? – уже собираясь откланяться, спросил тот.

– Что же это за компания такая, хозяйка всех этих сокровищ? И что за эксперт работал с вами? Если это не секрет, конечно.

– Не секрет, что касается эксперта, – миролюбиво ответил Пташка. – Его зовут Зоран Радович. Он был на презентации книги. Ему я и собираюсь позвонить. – Он красноречиво развел руками. – Но о компании я ничегошеньки не знаю. Да, если говорить честно, и знать не хочу. Зачем мне это?.. Итак, – он заторопился, – всего наилучшего, пани Чёрна!

– Утром буду вам звонить!

– Лучше в обед. В два! – уточнил он.

Она не спускала с него колючих глаз.

– Боюсь, не дотерплю до завтра. – И уточнила: – До двух, милый пан Пташка!

Утром следующего дня Пташка сидел в просторном салоне серебристого «мерседеса». Приторно пахло кожей. И немного – хорошим табаком. За темными стеклами можно было прочитать очертания Карлова моста.

В машине их было четверо: спортивного телосложения шофер, рядом с ним – такой же крепыш. На заднем сиденье – он, Владек Пташка, и таинственный Мирослав Владович. Руки последнего лежали на коленях. Пальцы правой время от времени оживали и набегавшей волной пробегали по колену. С каждой новой волной мутно поблескивал перстень с изумрудом на безымянном пальце.

– А я никому не принесу беды? – очень серьезно спросил Пташка. – Пусть даже этой ведьме Кларе Чёрны?

– Мне всего лишь хочется увидеть человека, которому нужен мой амулет, – холодно ответил заказчик книги. – И вы мне обещали посредничество, помните?

– Еще бы!

План Мирослава Владовича был прост: Пташка говорит, что амулет стоит пятьдесят тысяч. Плюс двадцать за посредничество. Всего семьдесят. После сделки Пташка может оставить половину этой суммы – тридцать пять тысяч – себе, приплюсовав их к гонорару. Но чем больше страстей раздувалось вокруг продажи амулета, чем выше становилась его цена, тем беспокойнее на сердце было у пожилого профессора.

– Мне нужна ваша помощь, – настоятельно проговорил Владович. – Все, что от вас требуется, это вручить даме амулет и получить деньги. Решайте же, профессор!

Ровно в два телефон ожил. Уже около часа Пташка не находил себе места. Мысли путались. Кто знает, какие счета у Владовича и тех, кто так страстно хочет приобрести дракона? Пятьдесят тысяч он заработал честно, написав книгу. А эти тридцать пять? Никогда ему не везло в лотереи, а эта сделка чем лучше?

Он осторожно взял трубку.

– Алло...

– Пан Пташка?

– Да.

– Здравствуйте, профессор, это пани Чёрна...

– Я догадался.

– Говорите же... Говорите.

– Они хотят за амулет пятьдесят тысяч долларов.

– Вот оно как...

Интонации металлического голоса пани Чёрны сейчас разнились. Как видно, сумма, названная им, неприятно удивила ее. С другой стороны, она была рада, – и не могла скрыть

этой радости, – что сделка возможна. А почему бы и нет? Все продается, тем более – золотое украшение. Даже если ему сотни лет.

– Идет, – проговорила она. – Сегодня вечером, пан Пташка, я привезу деньги вам домой. Пятьдесят тысяч. Вы заплатите этой компании, возьмете дракона. И я приду к вам еще с двадцатью тысячами. Не возражаете?

– Возражаю, – ответил он. – Сделку проведем в том самом кафе, где мы встречались.

– В кафе, при посторонних? – искренне удивилась пани Чёрна.

– Ничего страшного, – заверил он ее. – Там меня хорошо знают. Я закажу столик в самом уютном уголке. Мы будем почти в изоляции.

– Пусть будет по-вашему, – ответила пани Чёрна. – Мне абсолютно все равно, где состоится наша сделка. – Она уже торопилась. – Главное, чтобы дело было сделано. А теперь мне пора. Необходимо собрать деньги. До вечера, пан Пташка!

– Да вечера, – едва успел ответить он.

В трубке пошли гудки.

...Забравшись в самый уединенный уголок кафе, грозовая туча открыла перед Пташкой спортивную сумку.

– Пятьдесят пачек, по тысяче в каждой. Не торопитесь, пересчитайте.

Ее забота угнетала. Пташка пересчитывал деньги. Но отвлекался: озирался по сторонам, выглядывал кого-то. Вот этот господин, в костюмчике, с кружкой черного пива, не поверенный ли он его знакомого Мирослава Владовича? Еще один исполнитель, которому поручено следить за ним в оба глаза. Или та парочка – милая девушка и ее ухажер, что время от времени поглядывали в их сторону? Кто его знает. А может быть, тот пожилой сухопарый гражданин, что, опуская газету, посматривал на затылок пани Чёрны?..

– Да куда же вы все смотрите, пан Пташка? – наконец, когда он в очередной раз сбился со счета, прервала его размышления компаньонша. – Вы деньги считайте. Каждую пачку. Сумма-то немалая!

– Я считаю, считаю, – откликнулся он. И тут же улыбнулся. – У вас есть бумага для расписки? Может быть, нужно было у нотариуса?..

– Я вам доверяю, пан Пташка, – серьезно и с вызовом задрожали стальные нотки в голосе пани Чёрны. Ее роскошная родинка устрашающе ползала по верхней губе. – Уверена, вы бы не стали обманывать меня. Ведь... нет?

Он увидел эту девушку не сразу – она сидела в дальнем, противоположном углу, у самого окна. Но легкий холодок пробежал между лопаток у совсем немолодого профессора Пташки. Все потому, что эта девушка, в короткой курточке, схваченной на осиной талии широким кожаным ремнем, в упор смотрела на него. Колени под столом были стиснуты, широко расставлены ступни, туфли – носочками внутрь. Читалось в этом что-то от школьницы – непосредственное, даже пугливое. Темноглазая, с длинными смоляными волосами, она не сводила с него взгляда. Ей было не больше восемнадцати лет. Но какая-то деталь в лице выдавала ее. Говорила, что непосредственность и пугливость ее – враки. Напускное. И тогда он понял – родинка. Очаровательная родинка на верхней губе. Мушка. Легкая совсем. Почти невесомая. Но чувственная, выдававшая всю коварность своей хозяйки. Из-за таких мушек на милых лицах своих возлюбленных кавалеры былых эпох смело теряли голову!

– Пан Пташка...

– Что? – обернувшись к компаньонше, переспросил он.

– Я говорю, вы бы не стали обманывать меня?

Колочие глаза пани Чёрны, сейчас – особенно пронзительные, заставили Пташку замереть, ослабнуть. Точно он и был самой настоящей птахой, которую гипнотизировала коварная, не ведающая жалости змея. Только не изящная, похожая на пружинистый жгут, а иная – настоящая великанша, уже наглотавшаяся всякой всячины, но все еще голодная.

– Не стал бы, – честно признался он.

Видимо, его тон был убедительным.

– Не подумайте чего, пан Пташка, – миролюбиво вздохнула пани Чёрна. – Это я для порядка спросила.

Пока она колыхнулась вместе со стулом, профессор вновь посмотрел в сторону девушки, но той уже не было. Столик пустовал.

Мираж? Призрак?

– Я женщина честная, – продолжала пани Чёрна, – и того же требую от других.

Но видение не отпускало. Все еще стояло перед его глазами.

И Пташка вдруг понял, как они все ему надоели! Мирослав Владович, его секретарь, эта необъятная фурия – Клара Чёрна. Которая вперлась в его жизнь, выбив дверь, разворотив тушей дверной косяк. Забыть бы об их существовании... Сорок восьмая пачка, сорок девятая, пятидесятая... Но он знал – не выйдет. Они, точно пиявки, вцепились в него со всех сторон. Решил человек искупаться в незнакомом озере, оказалось – болото.

– Все верно, – выдохнул он. – Завтра, за этим же столиком, я передам вам золотого дракона.

Руки пани Чёрны, ее пальцы с длинными, грубыми, отманикюренными ногтями были на этот раз крепко сцеплены. Не на кого было спускать откормленных зверьков. Все шло по плану.

– Неужели он так легко решился расстаться с амулетом? – вдруг спросила пани Чёрна. – Этот самый Зоран Радович?

Пташка не сдержался:

– Мне показалось, им интересны люди, которые интересуются антиквариатом с этой выставки.

– Вот как... Спасибо за откровенность.

– Пожалуйста, – он первый раз открыто взглянул в глаза этой невероятной даме. – Вам больше ничего не надо? Например, полный рыцарский доспех?

– Нет, – оценив его чувство юмора, удовлетворенно покачала головой пани Чёрна. – Амулета достаточно!

Следующего дня он ждал с нетерпением. Ведь он сулил ему избавление – от назойливого Мирослава Владовича и одержимой пани Чёрны.

Амулет к тому времени был уже у него дома.

Они договорились встретиться ровно в одиннадцать, расплатиться по счетам и разбежаться. Пташка оделся и уже открывал дверь, когда в квартиру его позвонили. Сердце отчего-то дрогнуло и затрепетало. Что со мной? – подумал профессор. Доконают меня эти гости. Как пить дать – Мирослав Владович или кто-то из его команды.

Не спросив, кто там, он открыл дверь. На пороге стояла девушка лет восемнадцати. Пташка подумал: таких лиц и не бывает вовсе, разве что на экранах кино. Стремительно завораживали ее темные глаза, укутанные бархатными ресницами, и крошечная родинка над верхней губой. Такая трогательная, чувственная. Может быть, и не родинка вовсе, а и впрямь – мушка?

Перед ним стояла та самая девушка из кафе...

И одета она была в ту же короткую, расклешенную книзу куртку, туго перехваченную на талии широким кожаным ремнем. Открытые голые колени, икры. Точно под этой курткой и не было ничего вовсе. Через плечо девушка держала сумочку, крепко вцепившись кулачком в ремень. Сумочка была туго набита.

– Доброе утро, пан Пташка, – проговорила гостя. – Разрешите войти?

– Да, конечно, – отступая, не в силах оторвать взгляда от ее родинки, проговорил он. – Но... с кем имею честь?

– Каролина, – представилась она. И тут же добавила. – Я к вам по делу. – Улыбнулась. – По очень важному делу.

Голос мелодичный и звонкий – под стать всей ее внешности...

– Проходите, конечно, – пролепетал он, почти сразу забыв о том, что ему пора собираться, идти в кафе на свидание к грозовой туче. – Что же это за дело?

Девушка прошла в гостиную, подошла к столу, поставила туго набитую сумочку. Он прошел за ней следом, чувствуя, что голова его идет кругом. «Что со мной происходит? – думал Пташка. – Абсурд какой-то...»

– Простите, – начал было он, но...

Где-то рядом что-то взорвалось. Пташка завертел головой. Это звонил его телефон. Он отыскивал глазами трубку. Оглянувшись на девушку, замершую у стола, еще раз обронил: «Простите». Взял аппарат и сказал:

– Алло.

– Здравствуйте, пан Пташка, – зазвенел ровный металлический голос. – Это пани Чёрна.

– Да, – обернувшись к гостье, которую, кажется, звонок не оставил равнодушной, проговорил он. – Я скоро буду. Ко мне неожиданно зашли... зашла, – он не знал, как представить гостью, – юная пани. Это произошло неожиданно. Я скоро буду, – повторил он.

– Не утруждайте себя, – неожиданно мягко проговорила пани Чёрна. – В сумке этой юной пани обещанные двадцать тысяч. Пересчитайте и отдайте ей моего дракона. Но трубку не кладите...

Последние два слова буквально прозвенели в его аппарате. Точно понимая, о чем идет речь, девушка аккуратно чиркнула замком сумки и стала выкладывать на стол пачки долларов. Ее руки были тонкими, кожа – белой. Длинные ногти без маникюра. Золотое колечко на правом мизинце. Какой-то крошечный бриллиантик...

Глядя на ее лицо, с этой легкой мушкой, так хотелось быть молодым! Он тряхнул головой: «О чем это я?»

Каролина сложила пачки аккуратно, в две стопки, а сложив, подвинула в сторону Пташки.

– Вот, – сказала она, – посчитайте.

– Но мы договаривались с пани Чёрны о личной встрече, – неуверенно произнес хозяин дома.

И тут же услышал карканье в трубке.

– Пан Пташка, пан Пташка! – едва он поднес аппарат к уху, угрожающе загремел женский голос. – Прошу вас: никаких подозрений! Я тороплюсь. Мы торопимся! – твердо добавила она. – А лучше спросите имя юной пани.

– Имя? – переспросил он. – Хорошо. – Взглянул на гостью. – Как же... вас звать?

– Каролина Чёрна, – ответила девушка.

И вновь улыбнулась ему. Неужели? Пташка попытался отыскать отголоски черт того невероятного существа, которое сейчас было где-то рядом. На улице ли, в кафе? И не мог. Но родинка у этой девушки была именно в том же самом месте – над верхней губой, справа. Неужели на таком старом пне, намертво обросшем ядовитыми грибами, мог пробиться такой яркий и прекрасный цветок?

А в трубке все каркала, лязгала клювом пани Чёрна-старшая, требуя немедленного и беспрекословного доверия.

– Отдайте мне золотого дракона, – уверенно попросила девушка.

Там, в кафе, эта красотка следила за ним, размышлял Пташка. Как пить дать, это мать усадила ее у окна.

– Да, конечно, – проговорил он. Поднес к уху трубку. – Все в порядке, пани Чёрна. Если вы в кафе, то через пять минут дракон будет у вас.

Пани Чёрна разом умолкла, даже присмирела.

– Ах вы, золотой мой пан Пташка, золотой мой профессор! – услышал он. – Так и расцеловала бы вас! Так и расцеловала бы!

«Может быть, и к лучшему, что я не вышел на улицу», – подумал он, направляясь в кабинет.

Через полминуты Пташка вынес в гостиную футляр, положил его рядом с зелеными купюрами.

– Пересчитайте, прошу вас, – еще раз, уже между делом, попросила Каролина, бережно, даже осторожно беря в руку футляр.

И пока она открывала его, зачарованно глядя на содержимое, Пташка взял одну из пачек, безразлично пролистнул ее, бросил на стол.

– Все в порядке.

Каролина закрыла футляр, положила его в сумочку.

– Спасибо, – сказала она.

Кажется, сделка была завершена.

– Я провожу вас, – вздохнув, проговорил Пташка и вежливо указал на дверь в коридор.

Когда он открыл дверь, мысленно прощаясь с родинкой, милой мушкой на верхней губе девушки, случилось то, чего он уже никак не мог предположить. Каролина протянула руку к его шее, потянулась и, закрыв глаза, чувственно поцеловала Пташку в губы.

А потом она ушла. Он стоял и не мог закрыть дверь. Бывает же такое! Затаив дыхание, Пташка слушал затихающий стук ее каблучков на лестнице.

«Влюбиться в такую девушку старику – величайшая печаль, – аккуратно прикрывая дверь, предположил Пташка. Щелкнув замком, улыбнулся самому себе. – И нет ее горше ничего на свете!» Одно успокаивало, девушка уходила навсегда, оставаясь лишь видением.

6

Иногда Пташка думал, доживет ли он до третьего тысячелетия? Дожил, и все двинулось своим чередом дальше. Жаль, спутницы жизни он так и не нашел. Старел один. Но зато его обожали студенты. Да что там – боготворили! И больше других – Зоя Вайдова. Однажды он выбрал ее любимой своей ученицей, и не только потому, что она – красавица и умница, и преданна профессии, как и он сам. Задолго до рождения Зои у него был роман с ее матерью. Недолгий, но яркий. Потом Ядвига вышла замуж за другого человека и уехала в Польшу. О том, что пани Вайдова и ее супруг погибли в автомобильной катастрофе, Пташка узнал только через пять лет после трагедии.

И вдруг – Зоя его ученица. Совпадение?

Пташка написал много книг. Но иногда он думал о том, что именно орден Дракона сделал его одиночкой. Пташка нередко вспоминал многих людей, так или иначе связанных с орденом. Но чаще других – дочь пани Чёрны. Они все ушли из его жизни. Даже Мирослав Владович, его благодетель, едва только понял, что покупатели золотого дракона обвели его вокруг пальца.

Кажется, история была закрыта. Если бы еще не один визит, еще не один гость – последний.

А вернее, гостя...

7

В августе две тысячи третьего года он завтракал все в том же кафе, рядом с домом. Пташка допивал кофе, когда в дверях увидел невысокую девушку в коротком плаще. Она была крепкой и стройной, как цирковая акробатка, чуть широкоскулой, с темными волосами, уложенными в каре.

Девушка направилась к нему.

– Профессор Пташка? – спросила она.

Он кивнул.

– Пани Кох, – представилась девушка. – Ваш коллега, историк. Вы мне уделите пять минут?

– Пожалуйста, – откликнулся он.

Кажется, девушка раздумывала, с чего начать. Пташка одним глотком допил кофе. Он взглянул в лицо девушки – и уже не мог оторвать от него взгляда. Пташка определенно где-то видел это лицо, знал его!

– Девять лет назад вы написали замечательную книгу, пан Пташка, – сказала пани Кох. – Ваши заказчики обладали прекрасной коллекцией всевозможных произведений искусства, предметов быта и вооружения различных эпох. Не так ли?

– Коллекция была превосходна – спорить не буду, – согласился он.

– Не могли бы вы мне рассказать, где сейчас эти люди. Я бы хотела увидеть эту коллекцию в живую. Профессиональный интерес, – уточнила она.

Пташка спросил: откуда она, какова ее специализация, и получил исчерпывающие ответы.

– Увы, но я вряд ли чем смогу вам помочь, – ответил он. – Ко мне пришел человек, меценат, коллекционер, предложил сумму за работу над книгой, честно со мной расплатился, а потом просто-напросто исчез.

– И как же его звали?

Пташка озадаченно улыбнулся:

– Почему я должен отвечать вам?

– Я вас прошу, – вежливо сказала она. – Как может просить об услуге женщина – мужчину.

– Зоран Радович, – Пташка назвал фамилию мифического хозяина коллекции, которая значилась в альбоме. – Он даже не попрощался. Салон превратился в супермаркет. И, представьте, ни одного звонка за девять лет! Думаю, жизнь нас развела раз и навсегда, пани Кох.

– Неужели вы ни разу не задавались вопросом, откуда эти экспонаты у вашего заказчика? – Она смотрела ему в глаза. – В таком объеме, такого качества? Каким образом они попали ему в руки?

– Задавался, – ответил Пташка. – И даже спрашивал у заказчика. Но мне не ответили. Они очень дорожили своей коллекцией...

– Так дорожили, что выставили на продажу лучший экспонат – золотого дракона?

– Вы знаете слишком много для постороннего, – сказал Пташка. – Кто вам рассказал об этом?

– Мне рассказала об этом одна дама перед смертью.

– Она была пожилой или молодой? – тотчас нахмурившись, спросил Пташка.

– Пожилой, – откликнулась девушка.

– Огромной, почти великаншей? С родинкой на верхней губе?

– Она была тощей и желтой, как высохший стебель травы. И она прятала лицо, когда говорила со мной. Тем не менее это именно ей вы помогли проверить операцию с прода-

жей амулета. И согласились на это охотно! А ведь вы не могли не знать, что амулет, принадлежавший магистру ордена, практически бесценен! И самое главное, об этом не могли не знать его владельцы.

– Магистру? – переспросил Пташка. – Об этом я покупательнице не рассказывал – откуда же вам это известно?

Девушка холодно посмотрела на него.

– Известно, и все.

– Да вы и впрямь историк, – кивнул Пташка. – Вон как ваши глаза разгорелись, стоило заговорить о амулете. Об этом чертовом драконе!

Кажется, она его не услышала. Потому что, глядя через него так, точно он был стеклянным, сказала:

– Теперь я наверняка уверена, что вы не рассказали мне главного.

– Например? – уже чувствуя раздражение, спросил профессор.

Пани Кох вызывающе улыбнулась:

– Например, то, что хозяева амулета искали своего покупателя. Одного-единственного. Ждали его, как ждет охотник, когда утка вспорхнет над озером. И у них были счета с этим человеком!

Пташка устало покачал головой:

– Иногда мне кажется, что орден Дракона живет и поныне. Только я больше не играю в эти игры.

– Играете, еще как играете, – откликнулась девушка. И убежденно добавила: – Хотите вы того или нет.

И вновь широкоскулое, волевое лицо молодой женщины показалось ему знакомым. Но откуда, где он видел его прежде?

– Я не мог вас нигде раньше видеть? – осторожно спросил он.

– Нет, – уверенно проговорила она. – А почему вы спрашиваете?

– Вы мне кого-то напоминаете.

– И кого же?

– Не могу вспомнить. – Он отрицательно покачал головой. – Нет, не могу...

Она встала из-за стола.

– Прощайте, пан Пташка.

– Прощайте, – сказал он.

Пани Кох направилась к выходу. Он следил за ней взглядом. Она вышла из кафе, открыла дверь черного автомобиля, стоявшего у тротуара. И тут внимание Пташки приковал к себе силуэт женщины на заднем сиденье. Было в нем что-то определенно знакомое, завораживающее. Ему даже показалось, что женщина повернулась в его сторону и теперь смотрит на него. Но как только дверца за пани Кох захлопнулась, машина тронулась с места и была такова.

Пташка заказал себе еще чашку кофе, а к ней – рюмку бехеревки. Чуть позже, переходя улицу, он вспомнил еще один фрагмент своих многолетних поисков. Чем же был так важен Мирославу Владовичу этот Дионисий из Идона? Пташка решил навести историческую справку о византийце.

Попав в бурю Четвертого крестового похода, захваченный ею, Дионисий выжил. Он был выброшен на твердый, как крепость, валун. Имя которому – Никейская империя. Оказался при дворе в чине главного архивариуса императорской библиотеки. А потом исчез. Что было еще интересного в этом человеке для профессора Владека Пташки? Пожалуй, одно: годы жизни византийца точно совпадали со временем жизни старого аристократа, запечатленного в камне, в подземелье замка Волчье логово. Того, кто был последним, поклонявшимся Дракону, – своему владыке...

Широкоскулое лицо пани Кох, девушки с фигурой циркачки, показалось ему лицом фанатично преданного своей работе солдата. Оно не отпускало Владека Пташку весь следующий день. Именины коллеги, куда он был зазван, стали для Пташки настоящей пыткой. Потому что его толкали в бок, приглашали пить шампанское, а он, точно лунатик, бродил по невидимому для всех окружающих канату, балансировал с завязанными глазами. Он шел упрямо, назло всем, особенно тучам, которые все сгущались и сгущались над его головой!

Тучам, которых он, увы, не видел... Лишь холодный ветерок приближающей бури, настоящего торнадо, касался его губ и век.

И вот следующим вечером это случилось. Непроизвольно быстро он поднялся с кресла, бросился к рабочему столу, к ящикам, где прятались архивы, запечатлевшие самые невероятные открытия в его жизни. Часть папок он выложил на стол, другую – на пол. Со стороны случайному наблюдателю он напомнил бы обезумевшую борзую, наконец-таки, вопреки всем хитростям противника, напавшую на долгожданный след.

– Не может быть, не может быть, – твердил он, выхватывая папки, жадно рассматривая надписи на них.

А потом одна из них загорелась в его руках, вспыхнула, он аж подбросил ее вверх, но удачно поймал. Распахнул ее. Листы, кажется, обжигали ему руки. Не успевал один попасть в пальцы, как уже выпархивал прочь, превращаясь в пепел, уступая место следующему. Но один из листов, с наклеенной фотографией, профессор задержал в руках. Как этот лист ни пылал, как ни облизывал огнем его пальцы.

Верно, страшно было держать этот лист с фотографией в руках, разглядывать снимок, увертываясь от языков пламени! Страшно, но иного выхода не было.

Да, все так. Вот оно – фото почти сорокалетней давности. Барельеф – групповой портрет в камне. Старик-аристократ и девушка-рыцарь. Поджарая, она в доспехе, в руках – меч, острие которого упирается в пол. Ее широкоскулое лицо – твердое и волевое. И взгляд – воина, ожидающего битвы не на жизнь, а на смерть.

Пташка опустился на пол, сел, точно ребенок, который намеревается разложить у своих ног кубики.

Сходство было настолько явным, что казалось, будто бы средневековый художник заглянул вперед и создал портрет женщины, которой было суждено родиться только через восемь веков!

Держа лист в руках, Пташка был в замешательстве. Кто все эти люди: Адельбург, Мирослав Владович, Клара Чёрна, ее дочь, эта пани Кох? Кем они были в его жизни? Он не знал их дела и знать не хотел. Но другой вопрос не давал ему покоя: в роли кого они выбрали его – Владека Пташку? Он, точно магнит, сумел притянуть к себе их всех. И не просто разных, но соперничавших друг с другом, люто враждовавших.

Пташка поднялся с пола, не выпуская листа из рук, прошелся по комнате. Чувствуя, что никаких сил у него не осталось, повалился на диван. Закрыв глаза. Никогда не было у него такого острого чувства страха. Но самой опасной из этой компании была девушка, чье лицо копировало лицо давно истлевшей воительницы. Появление в его жизни пани Кох не просто настораживало – пугало. Особенно холодок в ее голосе, пробирающий до костей. Леденящий.

Утром Пташка позвонил Зое, а когда она приехала к нему, то рассказал ей все. О всех перипетиях его поисков, касавшихся ордена, о «гостях», этих непрошенных чужаках. Кажется, Зое его рассказ показался фантастическим, особенно сюжет о пани Кох, как две капли воды похожей на средневековую воительницу, которой суждено было покинуть отчий дом и в чужих краях взять новую фамилию – Волкович.

Зоя ушла от него в час дня. А еще через полчаса он решил погулять по старому городу, проветриться...

8

Георгий Горовец заглянул в заплаканные глаза Зои Вайдовой. Ему только осталось представить себе несчастного Владека Пташку, который брел в шумной толпе туристов через Старый Град – вверх от Влтавы навстречу смерти.

– Я не поверила ему, – опустив голову, проговорила Зоя, – решила, что опасность, которую пан Пташка почувствовал рядом, он придумал себе.

Капитан Ветлецка отыскала альбом Пташки, все внимательно изучили фотографию амулета.

– Забавная вещица, – разглядывая его, сказала Ветлецка. – Но устраивать из-за амулета такой сыр-бор?

– Пани Вайдова, а где же фото скульптуры – старика и его дочери? – спросил Горовец. – Из скандинавского замка, – уточнил он.

– Он не включил их в этот альбом, – ответила Зоя. – Это фото было его откровением. Неразгаданной загадкой... Он положил снимок в конец альбома.

Между громадой листьев и обложкой хранилось черно-белое фото.

– А девица с мечом и впрямь смахивает на Рыжую, – проговорила Ветлецка. – Как вы считаете, комиссар Горовец?

– Бесспорно, – кивнул он. – Бесспорно... Я в недоумении и замешательстве.

– А кто эта Рыжая? – спросила Зоя.

– Очень плохая девочка, – откликнулся Горовец. – Очень. Полная ваша противоположность. – Он улыбнулся. – Мне так кажется.

– Я серьезно...

– Вам лучше о ней ничего не знать, – кивнула Ветлецка.

Было ясно, что сейчас их мысли заняты меньше всего вопросами Зои Вайдовой.

– Не хотите – не говорите. – Зоя отошла от стола. – Главное, профессор был прав. Он встречался с женщиной, похожей на дочь средневекового аристократа с Волчьей горы.

Горовец покачал головой:

– Но как такое может быть?

– Она вышла из камня, – усмехнулась Зоя. – Воплотилась чудесным образом. Стоит проверить, как вы думаете? Отбросила меч, сняла кольчугу и одела платье.

Горовец поднялся со стула. Под цепким взглядом пани Ветлецки прошелся по кухне. Зоя Вайдова, кажется, разом потеряла ко всему интерес. Рассказ вымотал ее.

Горовец смотрел в окно.

«Что могло быть общего между террористкой Анной Ортман и безобидным профессором Пташкой? – думал он. – До сих пор не было известно, откуда взялась сама Анна Ортман. Какой она национальности и какое гражданство имеет. Сколько носит имен помимо того, которым отмечена в архивах Интерпола. – Горовец про себя усмехнулся. – Воплотилась из камня? Нет, сказки не для него!»

За его спиной Зоя Вайдова шмыгнула носом.

– Мне надо в ванную, – сказала она.

Когда девушка вышла, Горовец покачал головой:

– Моя группа охотилась за Анной Ортман пять лет. Сегодня она совершает взрыв на улицах Лондона, а завтра улыбается официанту в одном из отелей Каира. Поймать ее и представить международному суду – значит выполнить свой долг на всю оставшуюся жизнь. Но вот что я думаю: в данном случае Ортман только исполнитель – инструмент в руках тех людей, что скрываются в тени. Это им помешал Владек Пташка. Он знал немного, но и этого хватило для того, чтобы получить пулю. Мне нужен след – хотя бы одного персонажа этой

истории. Мирослав Владович, Клара Чёрна, ее дочь Каролина, господин Адельборг. Ниточка потянется...

– Почему вы променяли погоню за похищенным антиквариатом на поиск террористов, комиссар? Уж больно разница велика...

Горовец понимающе кивнул.

– В Париже, во время взрыва в метро, мой друг потерял жену и дочь. Они просто возвращались домой. И я подумал, что самый дорогой алмаз из самой прекрасной королевской короны не стоит того, чтобы я тратил на его поиски свою жизнь. Лучше я буду искать тех, кто убивает мирных людей, кто отнимает жизнь у их близких. Хочу, чтобы Господь мной гордился. Все просто.

Ветлецка улыбнулась:

– Да, все просто.

Из ванны вернулась Зоя. Она вытерла заплаканные глаза. Припудрила нос, подвела губы.

– Я пойду? – спросила она. – Очень устала...

– Мы пойдем вместе, – сказал Горовец. – Пани Ветлецка, мне бы хотелось взять альбом Пташки с собой, почитать на досуге. И сделайте мне копию фотографии старика и его дочери с Волчьей горы.

– Непременно. – Ветлецка проводила Горовца и Зою до дверей. – Я буду с нетерпением ждать известий, комиссар.

Горовец кивнул. Он взялся проводить Зою, но разговор у них по дороге не клеился – она слишком много пережила за эти дни.

У ее дома Горовец поцеловал девушке руку.

– Крепитесь, пани Вайдова.

– У вас сильная рука, комиссар, – улыбнулась она.

– Благодарю вас, пани Вайдова, – тоже с улыбкой ответил он. – Я еще свяжусь с вами по телефону. До свидания.

Горовец проводил ее взглядом. Она очень понравилась ему – хрупкая, нежная, умная. И, конечно, очень привлекательная.

Глава третья. Врата времени

1

Белый «Линкольн», шлифуя колесами асфальтовое шоссе, поднимался все выше в горы. Драгов остался позади. Пейзаж открывался что надо! Изумрудные вершины, синие низины, полные глубокой тени, разбросанные тут и там селения, белые ленивые облака.

«Все-таки я сумасшедший! – думал Вадим, изредка поглядывая на двух молчаливых охранников в салоне автомобиля. – Вот так взять и сорваться Бог знает куда! И еще неизвестно к кому. Но Марина сгорела бы от зависти, это точно!»

Скоро он увидел наверху, на широком лесистом плато, замок из серого камня, хоть и осовремененный, но сохранивший средневековую статью. «Бойтесь въезжать в ворота замка на горе!» – то и дело касался его слуха шепот, но Вадим был человеком смелым и решительно отгонял этот шепот прочь.

Миновав ворота и проехав по мощеной дорожке, белый «Линкольн» остановился у парадного, и Вадим был благополучно передан на попечение пожилому дворецкому.

– Господина Остберга пока нет, хозяин попросил извиниться за него, – уже в холле сообщил дворецкий. – Он будет к вечеру, часам к шести. Позвольте, я покажу ваши апартаменты.

Вадим оглядел мельком окна замка, и в одном из них увидел лицо темноволосой девушки – едва она встретила его взгляд, как штора дрогнула, и лицо исчезло.

«Пленница замка? – про себя усмехнулся Вадим. – Таинственная принцесса?..»

Они поднимались по мраморной лестнице. Вадим старался не вертеть головой, но полотна в старинных золоченых рамах, скульптуры, стоявшие по дальним и ближним углам, так и притягивали его взгляд.

Вадим был уверен, что ему достанется люкс. Так оно и случилось. По его апартаментам можно было кататься на «харлее», а на террасе играть в футбол.

– В баре любые напитки: коньяки, вина, – сообщил дворецкий. – Минеральная вода в холодильнике. Если вам что-то понадобится срочно, позвоните. Номер дежурного есть в книжке у телефона. Изволите заказать обед, господин Арсеньев?

– Позже, – сказал Вадим.

– Как скажете, – поклонился дворецкий. – Надумаете погулять, у нас есть прекрасное озеро. Там водится роскошный карп – и удочки есть! Располагайтесь, отдыхайте.

«Как в сказке!» – решил Вадим.

Когда дворецкий ушел, он залез в бар – огромную музыкальную шкатулку, доверху набитую дорогим питьем. Аппетита и впрямь не было – его терзала неопределенность. Выпив рюмку коньяка, он отправился на террасу, сел в плетеное кресло и уставился на здешние красоты. Но разве ему никогда не казалось, что однажды нечто подобное с ним обязательно приключится? И вот взмах могучего крыла рядом накрыл его воздушной волной, чей-то цепкий клюв прихватил за шиворот и потащил. Но где он теперь: под долгожданнами облаками или над пропастью, вот вопрос?..

Впрочем, одно другое не исключало.

Дело шло к вечеру. Успев принять душ и закусить ветчиной из холодильника, Вадим сидел на террасе в том же плетеном кресле, когда услышал шум приближающейся машины. Поднявшись, он увидел, как за рядами деревьев сверкнул длинный белый автомобиль и тотчас скрылся за поворотом. Арсеньев вскинул руку с часами, и сердце его учащенно забилося. Оказалось без четверти шесть.

Несомненно хозяин пожаловал домой.

Прошло еще полчаса, когда в дверь Вадима постучались и вошел дворецкий.

– Господин Арсеньев, князь просит вас спуститься в гостиную. Вы готовы следовать за мной?

– С нетерпением ждал этой минуты, – ответил он.

Когда Вадим вошел в гостиную, дворецкого за его спиной уже не было. В середине большой залы стоял высокий худощавый мужчина в легком голубом джемпере и светлых брюках. Он оказался копией того человека, которого Вадим видел на плакате в доме циркача, только старше на добрых четверть века. В его по-юношески пышной шевелюре жестко сверкала седина. Видимо, он только что прохаживался и обернулся на звук открывшейся двери...

Они двинулись навстречу друг другу, и Вадим сразу заметил, как цепко хозяин дома смотрит на него. Как остро звучит в его взгляде интерес к гостю.

Хозяин первым протянул гостю руку – на безымянном пальце его сверкнул крупный изумруд:

– Константин Остберг.

Голос его был уверенным, тембр – низким и глубоким.

– Вадим Арсеньев.

– Присядем, – проговорил хозяин, – у нас есть минут пятнадцать для беседы перед ужином. Как-никак, я думаю, мы оба ждали этой минуты. И, наверное, я – с большим нетерпением!

Тон его был настолько убедительным, что Вадим не решился с ним спорить.

– Вы знаете, господин Арсеньев, – когда они сели в кресла друг против друга, проговорил хозяин замка, – я вас представлял себе именно таким. Высоким, физически крепким, с благородным лицом.

Вадим хотел было присвистнуть, но сдержался. Вот уж он не мог подумать, что его внешность как-то интересна господину Остбергу!

Хозяин замка поинтересовался биографией гостя. Но чем тот мог удивить князя? Он не был великим фокусником или потомком древнего аристократического рода, не разъезжал по миру. Единственным своим везением он мог считать небольшую книжку, которая и послужила причиной их знакомства.

Когда Вадим договорил, Остберг кивнул:

– Больше всего я жалею о том, что с опозданием на несколько лет прочитал русский журнал, где была напечатана история Дионисия из Идона. И что наше знакомство было отложено на столь долгое время. – Остберг пожал плечами. – Я просто не знал, в какой именно стране появится такая книга, но в ее появлении я не сомневался!

– Последние две недели со мной все говорят загадками, – не смог сдержаться Вадим. – И вы туда же.

– Это как затишье перед бурей, – заверил его хозяин замка.

– Бурей станут ответы? – спросил гость.

– Возможно. – Остберг зацепил взгляд Вадима и теперь не отпускал его. – Скажите, когда вы решили написать книгу? Что вас подтолкнуло? Мне необходимо это знать. Каков был первый импульс для ее рождения? Впрочем, вы нам расскажете об этом за ужином. Именно – нам. – Остберг поднялся с кресла. – Идемте в столовую, господин Арсеньев. Уверен, вы будете рады новому знакомству!

2

В просторной столовой с окнами во всю стену сгущались сумерки. За лесистыми горами садилось пурпурное солнце.

– Познакомьтесь, Вадим Александрович, – отходя в сторону, проговорил Остберг, – это моя дочь Катарина. Надеюсь, вы подружитесь.

За дальним концом длинного стола, спиной к вечернему свету и лицом к мужчинам, сидела девушка – тоненькая и темноволосая.

Вадим подошел ближе и сразу понял: это она следила сегодня за ним из окна замка!

– Добрый вечер, – сказал он.

– Добрый, – ответила девушка. – Мы все с нетерпением ждали вашего приезда, Вадим Александрович. Господь услышал нас, и теперь вы здесь, с нами.

– Вы хорошо говорите по-русски, – все, что нашелся сказать гость.

– Моя мать была русской, – ответила Катарина.

Вадим нахмурился. Как и ее отец, она смотрела на него так, точно они были знакомы.

– А если нам зажечь свечи? – предложил князь.

Он хлопнул в ладоши, слуги внесли ужин, канделябры вспыхнули десятками свечей, и все трое сели за накрытый стол.

Поначалу трапезничали молча. Катарина, когда их взгляды с гостем встречались, едва скрывала смущение. Князь повторил свою просьбу, и Вадим рассказал историю создания книги. Отец и дочь слушали его очень внимательно.

– Не сомневаюсь, у вас было много черновиков, когда вы писали книгу о Дионисии, – проговорил князь. – Скажите, Вадим, а было то, что не вошло в книгу?

– Еще бы! – ответил гость. Сделав глоток белого вина, Вадим промокнул губы салфеткой. – Иногда фантазия уводила меня слишком далеко! Взять к примеру пожар в Константинополе. Я закрывал глаза и видел, как Дионисий, человек, в сущности, кроткий, сражает мечом наемника-венецианца, пытавшегося надругаться над девушкой-гречанкой. Или другая картина: Дионисий у патриаршей школы перед соучениками читает Гомера, и все, затаив дыхание, слушают его. Ему один из педагогов делает замечание за языческого автора, а Дионисий отвечает: не будь Гомера, не было бы и греческого языка!

– И вы по своей воле отказались от таких эпизодов? – не отрывая от гостя пристального взгляда, спросил Остберг.

– Но это – лишь моя фантазия.

– А вы случайно не помните, что читал перед своими сокурсниками Дионисий?

Вадим улыбнулся:

– Интересное слово – «помните». Это были первые строки «Илиады».

Глядя перед собой, Остберг улыбнулся:

– А ведь пятого июля, в году тысяча двести первом от Рождества Христова, на земле Византии, в Константинополе, на ступенях патриаршей школы Дионисий из Идона и впрямь читал Гомера. – Хозяин дома поднял на Вадима глаза. – Это была «Илиада». И он читал ее с самого начала – с самых первых строк!

– Вы шутите? – спросил гость.

– Ничуть. Я никогда не говорил так серьезно, как сейчас.

Вадим допил свое вино. Не зная, как ему быть в этой ситуации, пожал плечами:

– Господин Остберг, вот мы и дошли до главного. Из вашего письма можно было понять, что вы знаете о Дионисии из Идона очень много. Поэтому я здесь. Но сейчас меня смущает другое. Как вы можете называть мои фантазии правдой? Объяснитесь...

– Вы никогда не задумывались о том, – внимательно глядя на гостя, проговорил князь, – что Четвертому крестовому походу, вызвавшему падение Византийской империи, предшествовала цепь невероятных, буквально фантастических случайностей? Как черт из табакерки, появляется фанатичный священник Фульк из Нейи и горячо проповедует новый Крестовый поход. Во главе крестоносцев становится Бонифаций Монферратский, люто ненавидевший православную Византию. Именно Венеция берется дать крестоносцам флот,

а ее возглавляет еще один ненавистник Византии – старый дож Энрико Дандоло. У рыцарей выходят накладки со средствами, и Дандоло требует у них за обещанные корабли занять христианский город Зару. А когда Зара взята, именно венецианцы подбивают баронов обратить внимание на Константинополь. Восточной римской империей управляет узурпатор. Законный базилиевс ослеплен и унижен, а юный царевич Алексей, его сын, едва избежавший смерти, доставлен в ту же Венецию. Пылая жаждой мщения, Алексей дает свое знаменитое обещание: если крестоносцы и венецианцы восстановят его на Константинопольском троне, он сулит первым двести тысяч марок для похода в Иерусалим, вторым – свободную торговлю на землях Византии, а папе римскому – долгожданное подчинение православной церкви – католической...

– Разве случайность в истории – такая невиданная штука? – ответил Вадим вопросом на вопрос.

– Слишком серьезен результат, Вадим Александрович – падение величайшей христианской империи! Хотел у вас спросить. В книге вы обошли стороной один очень важный персонаж...

Гость взглянул на Остберга.

– Какой же?

– Герцога Вествольфа.

Вадим нахмурился.

– Никогда не слышал о нем.

И тотчас заметил, что Катарина смотрит на него особенно пристально, точно желает во что бы то ни стало прочесть его мысли.

– С его фигурой многое бы встало на свои места. Этот человек всегда стоял тенью за другими людьми и управлял ими. Королями, герцогами, князьями церкви, проповедниками, простыми рыцарями. Все они, сами того не осознавая, так или иначе исполняли его волю. История о нем почти умалчивает. Этот человек возник на исторической арене в конце двенадцатого столетия подобно молнии, чтобы сыграть свою роковую роль. Герцог Вествольф был хорошим слугой своему повелителю.

– Какому?

Остберг улыбнулся:

– Верите ли вы в такое положение вещей или нет, но в мире, Вадим Александрович, есть только два повелителя.

– Вот даже как...

– И никак иначе.

Вадим обернулся к девушке, все это время молча слушавшей отца.

– Княжна, вы тоже так считаете? – беззаботно спросил гость. – Я на счет двух повелителей?

Девушка улыбнулась:

– Назовите третьего, и я подумаю.

Теперь улыбнулся Вадим – да им, отцу и дочери, палец в рот не клади!

– Поверьте, – продолжал Остберг, – герцог Вествольф сыграл в гибели Византии главную роль. Но не потому, что был ревностным католиком! Он поклонялся Дракону и носил его изображение на груди, под камзолом, подальше от глаз христиан. Всю свою жизнь герцог Вествольф охотился за одним человеком, который хорошо вам известен...

– Вы говорите... о Дионисии?

– О нем. Герцог Вествольф знал, что юноша, сам еще того не осознавая, хранит величайшую тайну. Своего рода ключ к жизни и смерти, но не одного человека или поколения, а всего мира. Но верный слуга Дракона не знал, каков этот юноша, ему было ведомо только

одно, что мальчик родился в Византии. Он искал его, посылал в столицу шпионов, но охранители Дионисия не отпускали их живыми.

Вадим усмехнулся.

– Да, господин Остберг, напиши вы книгу по-своему, наши критики от науки съели бы вас с потрохами. Не оставили бы даже косточек! Все это напоминает приключенческий роман, детектив.

– Самые интересные романы и детективы происходят именно в реальной жизни, Вадим Александрович. К сожалению, мы не знакомы и с одним их процентом. – Князь пригубил вина. – Вы удивились, откуда мне известно, что в означенный год в Константинополе Дионисий читал на ступенях патриаршей школы «Илиаду» и спорил со священником? А если я отвечу на этот вопрос так: я там был и видел это? Или даже иначе: мы были там, мы это видели и слышали. Вы и я. Что скажете на это, мой уважаемый гость?

Вадим отложил прибор, положил салфетку на стол.

– Вы... смеетесь надо мной?

– Нет, что вы, упаси Бог. Я говорю только то, что знаю наверняка. Я вообще не люблю шутить о серьезных вещах. А именно о тех, что касаются жизни и смерти, добра и зла. Это не в моих правилах.

Девушка смотрела на Вадима испытующе, точно хотела знать: верит он ее отцу или считает его лжецом.

– Пожалуй, я выпью, – пробормотал Вадим, – и чего-нибудь покрепче.

Трапеза заканчивалась, как и начиналась, в полном молчании. Медленно оплавливались свечи. Тихо звенела посуда. Вадим не мог заставить себя поднять глаз на сотрапезников. Хотелось одного – поскорее покончить с десертом.

– Не понимаю, зачем я здесь, – наконец спросил Вадим. – Объясните же наконец...

– Дождитесь завтрашнего дня, Вадим Александрович, – вставая, проговорил князь. – А сегодня вам лучше отдохнуть. Доброго вечера и не менее доброй ночи.

Катарина поднялась за отцом, точно хотела немедленно переговорить с ним, оставив Вадима наедине с сумерками.

3

Вадим шагал к озеру. Синяя вода, прятая за соснами и укрытая дымкой наступающих сумерек, приближалась.

«Уеду, – неожиданно решил Вадим. – Завтра же и уеду. Эх, вот только глаза Катарина, если бы не они!»

Минут через пять Вадим выходил к озеру. Оно оказалось прекрасным. Вадим отыскал скамейку, приземлился. Здесь, среди тишины, ему не хотелось даже двигаться. Просто зачарованно смотреть на озеро – чистое, в оправе хвойного леса и синих гор. Они выстроились кольцевой грядой далеко за корабельными соснами.

Вадим обернулся на шаги сзади. Катарина обошла скамейку, села рядом.

– У вас, наверное, голова идет кругом от рассказа моего отца? – спросила девушка.

– Вы угадали.

– Я просила его быть сдержаннее и не выливать на вас сразу ушат ледяной воды. Но он не послушал меня. А вас попрошу о другом – не думайте об отъезде.

Он улыбнулся:

– Вы – ясновидящая?

– Думайте, как хотите, но это очень важно для вас и для многих еще людей.

– И для вас тоже? – спросил он.

Она взяла его руку, сжала пальцы.

– Для меня – особенно...

Вечер плыл по поверхности воды, подкатывая к ногам мужчины и девушки, обнимая их.

Катарина тепло улыбнулась:

– Знаете, Вадим, а ведь я давно ждала встречи с вами. Не удивляйтесь. Очень скоро вы все поймете. Скорее, чем думаете. – Она отпустила его руку и поднялась со скамейки. – А теперь я вас оставлю. Отдохните сегодня. Мы встретимся завтра. Ждите меня утром.

И, договорив это, Катарина отправилась к дому.

4

Сразу после завтрака, минуя винтовую лестницу, вместе с Катариной они вошли в одну из башен замка – Остберг сам открыл им дверь. Окна круглой залы, сохранявшей в ясный солнечный день легкий сумрак, были из темного стекла. Отсюда взору открывалась вся округа. В середине залы грозно возвышалось кожаное кресло с высокой спинкой и подушкой для головы.

– Прошу вас, Вадим Александрович, – указал на кресло Остберг.

– А оно не электрическое? – подозрительно спросил гость.

Князь улыбнулся:

– Вы хотели узнать, зачем вы здесь. Ответ уже рядом. Просто соберитесь.

Вадим сел в кресло, Катарина обошла его сзади. Руки девушки легли на плечи Вадима, заставили как можно плотнее разместиться, уложить голову на спинку. Затем на глаза Вадима легла шелковая повязка.

– Это поможет отвлечься, – делая на затылке узел, пояснила княжна. – Знаю по себе.

– Вы стоите у порога пещеры, за дверями которой спрятаны великие сокровища, – проговорил Остберг. – Так будьте достойны их.

Вадим почувствовал, что Катарина уступила место отцу – теперь его руки легли на голову гостя.

– Думайте о том, что однажды стало для вас озарением, – продолжал князь. – Не бойтесь, когда ваши конечности будут становиться все менее ощутимыми, когда вы потеряете их и превратитесь в огненный шар. Он поднимется вверх, и там, над вашей головой, остановится. А потом его потянет назад и вниз – это будет самый ответственный момент. Не испугайтесь, наоборот – примите как чудо. Отдайтесь целиком вашему чувству, не пытайтесь вернуться, но бегите прочь отсюда, летите со скоростью самой быстрой кометы!

Вадим слушал князя – голос его, вкрадчивый и требовательный, обволакивал гостя. В этом голосе, мага и волшебника, было столько необъяснимой воли! Голос маэстро заставлял забыть о времени, о кресле в центре круглой залы. О замке и озере, лесах и горных вершинах. Даже о Катарине! А потом к телу Вадима стала подкрадываться пустота. Твердая почва уходила из-под ног, он становился невесомым. И вот уже он поднимался вверх, не ощущая рук и ног. Вадим понимал, что превращается в шар – подвижный, светлый, искрящийся. Теперь голос князя был слышен точно из-за плотной занавеси, из густого тумана. Этот голос вытягивался в тугую струну – веревку поводья, ведущего Вадима в неизвестный ему мир. Превратившись в золотой шар, Вадим плавал над полом башни, не касаясь предметов. Но ему стало непреодолимо страшно, когда эти предметы поплыли, и вокруг стала обступать темнота. Он попытался остановиться, зацепиться, но тут же услышал глухое предостережение: «Даже не думайте об этом – просто доверьтесь мне!». Он решился – и вот уже, как и сказал князь, его тянуло назад и вниз. Он казался себе тем беднягой, что повис на краю пропасти и кому осталось бороться считанные мгновения. А потом Вадим разжал пальцы и полетел в бездну. Это был полет в крошечной темноте, от него перехватило дух, но полет

недолгий. Уже скоро он выпорхнул в яркий свет, точно шаровая молния из темного облака, и стремительно понесся вниз. Вадим летел над искрящимся солнечным морем, как ему казалось – поджимая ноги, боясь зацепиться, нырнуть в воду, а впереди уже стремительно приближалась крепостная стена, выжженные солнцем гигантские камни, о которые, еще мгновение, он должен был разбиться в лепешку. Или, превратившись в тысячи искр, рассыпаться и сгинуть навсегда. Но вместо того, с готовым разорваться сердцем, он пронзил эту стену, как игла – отрез полотна. Он попадал то в ярко освещенные пространства, то в тьму крошечную. И только в сумраке непривычно длинного коридора стал тормозить...

Впереди, перед Вадимом, по тесно уложенным коврам быстро шел темноволосый воин в доспехах и пурпурном плаще. В правой руке он держал шлем, левой придерживал меч. Двое стражников поспешно открыли перед ним двери. Воин прошагал через длинную залу – к другим дверям, невероятно высоким, поистине царским. И там стояли двое солдат, вооруженные мечами и пиками.

Вадим приблизился к незнакомцу – к его плечам, покрытым сталью. Еще мгновение, и он коснулся бы его темени, но двери перед ним открылись – и он вошел в просторную круглую залу, где все было залито солнцем.

У гигантского стола стоял высокий, одетый в расшитую золотом далматику, старик. И тотчас Вадим узнал его – это был Константин Борей, первый из византийских политиков и вельмож. При нынешнем императоре, узурпировавшем власть, Борей удалился от двора, переехав в свою средиземноморскую крепость Вару.

Наконец, это был его, Вадима Арсеньева, наставник и друг. И вот от этой мысли с Вадимом Александровичем, учителем из русского города Дымова, едва не сделалось худо. Но упасть в обморок на роскошный ковер он не успел. Все произошло как во сне. Реальность становится зыбкой, подобие колкого озноба охватывает тело. Видения, которым трудно дать объяснения, и тем более – противостоять, теснясь, уже настойчиво обступают тебя.

А потом ты улетаешь – прочь отсюда!

5

– Здравствуй, мой мальчик, – статный седовласый мужчина, лицо которого украшала серебристая борода, кивнул гостю. – Я ждал тебя с нетерпением. – Движением руки он пригласил гостя подойти.

– Моя галера только что вошла в бухту, – поспешил сказать Александр. – И вот я у вас, учитель!

Им принесли вина и фруктов.

– Я привез неутешительные вести, мой господин, – когда слуги, наполнив хозяевам кубки, вышли, сказал воин. – Рыцари отовсюду съезжаются в Венецию. Тысячами. С ними повозки со скарбом, оруженосцы, сержанты, прачки. Чтобы они с их табунами и железом не потопили дворец дожа, рыцарей переправляют на остров Святого Николая. Там войско должно погрузиться на корабли. Предположительный курс паломников – Египет.

– Сколько же требует Энрико Дандоло за свои галеры?

– Восемьдесят пять тысяч марок.

Константин изумленно поднял брови:

– Боже праведный! Варвары всякий раз идут в Крестовые походы нищими, надеясь только на свои мечи. Откуда они возьмут деньги, чтобы расплатиться с Венецией?.. А теперь говори: ты видел его?

– Дважды. Его ни с кем не путаешь! Он широк в кости, широкоскул, как викинг. Огненно-рыжий. Волосы забраны назад и туго схвачены на затылке золотым шнурком. Носит черный доспех. Первый раз я видел его у Дворца дожей, в свите Энрико Дандоло.

Второй раз, когда он плыл по каналу со своей одноглазой ведьмой. Она не проста, учитель. Ей ведомо многое. Едва почувствовав меня рядом, она привстала и закрутила головой, а потом увидела и закричала: «Он! Он! Он!». Но я уже скрылся в толпе. Забыл упомянуть главное: герцог Вествольф привез в Венецию нашего царевича Алексея.

Константин Борей грозно сжал кулаки:

– Вот оно – яблоко раздора! Царевич Алексей, несчастный и глупый мальчишка, игрушка в руках франков и венецианцев! – Он обхватил пальцами шею. – Идем на свежий воздух, мне здесь душно...

Они вышли на крепостную стену и сразу попали на солнце – оно ослепило их. Александр прикрыл рукой глаза. От раскаленного камня, который был повсюду, шел жар, как от стен разогретой печи.

– Страх за великий град всякий раз охватывает меня, когда западные псы собирают войско – идти воевать сарацин, – проговорил Константин Борей. – Они смотрят на Иерусалим, но руки их тянутся к Византии! Сколько раз беда обходила нас стороной, минет ли теперь?

Щурясь от солнца, вельможа остановился у бойницы. Широкие, пронзительно-синие тени от зубцов ложились у их ног. За крепостной стеной было море, тихо шумел прибой.

Александр знал: его родина утонула в междоусобицах, стала слабой. Но об этом знала и Европа, всякий раз ошестившись копьями, выходя в поход – к Святой земле.

Константин Борей двинулся дальше, вдоль бойниц. Впереди высилась грозная четырехугольная башня. Подняв голову, Александр ясно различил крохотную фигуру солдата в доспехах, вооруженного пикой. Рыжая от палящего солнца, башня становилась ближе.

– Слушай, мой мальчик, слушай внимательно, – заговорил вельможа. – В Константинополе живет некий юноша. Его зовут Дионисий, родом он из Идона. Тот самый, что читал «Илиаду» на ступенях патриаршей школы. – Борей требовательно посмотрел на молодого воина. – Помнишь?

Александр оживленно кивнул. Как тут забудешь! Бледное лицо, пылающие глаза. Жар, с которым мальчишка читал «Илиаду», тронул бы и камень! Проникновенный голос!..

– Так вот, – продолжал Константин Борей, – ты отправишься в Константинополь и будешь охранять его как зеницу ока. Более того, ты возьмешь себе в помощь самых надежных и опытных воинов.

– Чем же этот Дионисий заслужил такую честь? – Александр снисходительно улыбнулся. – Патрицию охранять простолюдина?

– Его жизнь бесценна, – со всей серьезностью проговорил царедворец. – Рождения этого юноши дожидался не только я, но и наши враги. Дионисия хотят выкрасть и увести из Византии туда, откуда ему уже не будет возврата. Пятнадцать лет назад, когда ты был еще отроком, Византию наводнили западные рыцари. С их помощью император Исаак Ангел², ныне ослепленный, решал свою политику. Тогда в Константинополе впервые и появился герцог Вествольф со своей ведьмой. Они рыскали в поисках ребенка – малыша Дионисия. Косая ведьма уже тогда почуяла, что он появился на свет. Но потом рыцарям Конрада Монферратского³ пришлось убратъся из столицы – убрались и эти двое. Но они вернутся, я знаю это, обязательно вернутся за ним!

² Ангелы, династия византийских императоров, сменившая династию Комнинов в 1185 году. Первый император из Ангелов – Исаак Второй. В ходе дворцового переворота был свергнут и ослеплен своим братом Алексеем в 1195 году. Узурпатор, назвавшийся Алексеем Третьим, заточил в темницу не только ослепленного брата, но и своего племянника, законного наследника Алексея Ангела. Именно бегство юного Алексея к родной сестре Ирине, императрице, в Германию, а затем в Италию дало повод Западу вторгнуться в пределы Византийской империи под предлогом восстановления царевича на отеческом престоле.

³ В 1186 году один из богатейших византийских вельмож Алексей Врана, женатый на племяннице Исаака Второго Ангела, решил узурпировать трон базилиевсов. Исаак Ангел прибег к помощи Конрада Монферратского, могущественного

Константин Борей подошел к бойнице. Его примеру последовал и Александр – оперся о горячий камень крепостной стены. Его золоченые браслеты воина и перстни сейчас ярко сверкали на солнце.

– Поэтому ты, доблестный патриций, будешь охранять Дионисия как самое драгоценное сокровище в мире, – договорил Константин Борей. – Ты понял меня?

– Я сделаю все, как вы говорите, учитель, – ответил Александр.

Он заглянул вниз – там открывалась морская бухта. Ладьи и галеры с опущенными парусами стояли в порту. А дальше расстиралась земля: зеленые оливковые рощи и сады. Невероятный покой был вокруг. Тот покой, что приходит перед бурей, перед грозой...

– А теперь идем, я угощу тебя на славу перед дорогой, – сказал вельможа. – Ты отправишься уже сегодня, чтобы через сутки стать щитом Дионисия.

6

– Чему ты улыбаешься, мой мальчик? – в разгар трапезы спросил Константин Борей. Он хитро прищурил глаза. – Впрочем, я догадаюсь и сам... Но кто же она была – венецианка? Римлянка? Или аквитанка? Ты странствовал долго!..

«Она византийка, учитель, прекрасная византийка! – опустив глаза, горячо сказал про себя Александр. – И скоро я увижу ее!..»

Как рад он был возвращению в Константинополь! Все это время он вспоминал зеленые глаза Фламинии, ее губы, прекрасное тело. Эта женщина была гетерой, но, уезжая, он щедро одарил ее вперед, и она обещала ждать его! Ждать и любить только его!..

Дверь в залу открылась, и вбежала кареглазая девочка лет десяти, с длинными, распущенными по плечам темными волосами. В расшитой пурпуром и золотыми нитями столе до пят, с рукавами такими длинными, что они почти закрывали ее пальцы, девочка казалась трогательной и особенно беззащитной.

– Дядя Александр! – громко, захлебнувшись от восторга, закричала она.

Пробежав залу, с разбегу прыгнула и оказалась в его объятиях – гость едва успел встать из-за стола.

– О, нежнейший из цветков! – Александр поцеловал девочку в обе щеки, сел, усадил ее на колени. – Моя юная зорька...

– Почему первым делом вы пожаловали не ко мне, мой господин? – требовательно спросила девочка.

Александр, в плену крепко обвивших его рук, вздохнул:

– Моя вина, Таис!

– И как вы ее собираетесь искупать, эту вашу вину?

– Думаю, подарком, – ответил он. – Как на счет золотой диадемы, творения рук итальянских мастеров? Прекрасная Артемида могла бы позавидовать такому подарку!

– Посмотрим.

Константин Борей не мог сдерживать улыбки, глядя на них. Александр полез в кожаную сумку у пояса, достал обещанный сюрприз.

– Какая прелесть! – воскликнула девочка, выхватила диадему из рук Александра, чмокнула его в щеку и подбежала к медному зеркалу.

западного барона, который с помощью наемников из числа латинян, тюрок и грузин разбил войска бунтовщика, сам Врана погиб в бою. Эта победа позволила Конраду Монферратскому подняться при константинопольском дворе и, женившись на принцессе Феодоре, получить звание кесаря. Так и не добившись прав на константинопольский трон, во время одного из мятежей Конрад бежал из Византии. Позднее он стал королем Иерусалима, но вскоре погиб от рук наемных убийц из числа секты ассасинов.

– Она ждала тебя еще сильнее меня! – тихо проговорил Константин Борей. – Только о тебе и говорила!

– Таис – прелесть, – улыбнулся Александр. – Венец божественного творения, воистину так!

– Она вырастит красавицей, как ее мать, – откликнулся вельможа.

Пока девочка примеряла диадему, расплескивая столу, поворачивалась перед зеркалом, гримасничала, оба мужчины не могли отвести от нее глаз. Александр со всей нежностью любил и жалел эту девочку: мать Таис умерла во время родов, отец, полководец, погиб, воюя с турками в Анатолии. Константин Борей, родной дядя, заменил ей обоих.

– Моя госпожа, – обратился к девочке Александр, – пойдете меня провожать?

От неожиданности она обернулась:

– Так скоро? – Девочка погрустнела. – А вы обещали, что расскажете о злых немцах и хитрых венецианцах. И о том, как эти венецианцы помещаются на своих островах и плавают друг к другу на лодках...

– Александру необходимо сегодня же отбыть в Константинополь, моя девочка. Но он обязательно придет к нам в самое скорое время.

– Дайте слово, мой господин, – попросила Таис.

– Слово патриция, – твердо сказал Александр. – И вашего искреннего друга.

– Тогда ладно. – Девочка вздохнула совсем по-взрослому. – Но, помните: вы разбиваете мое сердце!

Попутчики Александра, уже на лошадях, дожидались своего предводителя за крепостной стеной. Среди них выделялся мощью друг и телохранитель молодого патриция – воин Аристарх по прозвищу Медведь.

Александр готов был забраться в седло, когда Константин Борей перехватил его руку и увлек в сторону.

– Ты всегда верил мне, как родному отцу, – негромко проговорил царедворец. – Так вот, внимай моим словам так, как если бы я поверял тебе первую из всех существующих тайн на земле. Дионисий открыл мне свои видения, в которых он всякий раз был одним и тем же мальчишкой, но не самим собой – другим. Сидя на холме, в неведомой ему земле, тот мальчишка видел на бескрайнем поле Сражение. Он знал, что перед ним – Великая битва. Два войска дрались друг с другом. Каждый раз эта битва представляла ему обрывками. И он собирал всю картину по крупицам. Понимаешь, взмахи мечей, полет стрел. Все это пронеслось одним вихрем. Последнее видение Дионисия было особенным. Когда вихрь битвы улегся, поле оказалось пустым. Но что-то сверкало на нем...

– Что же это было, учитель? – спросил Александр, сердце которого сейчас билось особенно часто.

– Дионисий сказал, что это было оружие – Меч. И еще он сказал: тот мальчишка, свидетель Великой битвы, не был его фантазией. Он существовал на самом деле. А значит, существовало и Оружие...

– Так это за ним охотится герцог Вествольф?

– Уверен в этом! Еще Дионисий сказал мне, что его видение повторится, как повторялось и раньше. Тогда все лоскуты его сна представят полную картину – ясную и точную. Этого и ждут наши враги! Этот Меч – не кусок металла. Он может столетия ждать своего хозяина! С помощью Оружия наши враги хотят победить в Великой битве. Однажды она будет – обязательно будет! И может стать Последней битвой. От наших заклятых врагов ты и должен уберечь Дионисия, а если понадобится – отдать за него свою жизнь. Теперь ты знаешь все, Александр Палеолог. А потому садись на коня и отправляйся в Константинополь!

Уже через минуту Александр командовал товарищам: «В путь!».

Всадники спускались по дороге от грозной крепости Вары, а он, Вадим Александрович Арсеньев, стоял рядом с Константином Бореем и зачарованно смотрел им вслед...

Вернее, он был уже горячим золотым шаром, что повис в воздухе и готов был рвануть вперед и ввысь.

Глава четвертая. Герцог Вествольф

1

Лифт, все стены которого были зеркальными, плыл вверх. Он вез трех пассажиров: двух огромных мужчин – негра и белого, в черных костюмах с иголки и темных очках, и высокую темноволосую даму лет двадцати восьми. Казалось, все трое не замечали друг друга.

Женщина, одетая в строгое черное платье, четко облегающее ее сильную фигуру, в изящной широкополой шляпе с алой лентой, держала в обеих руках сумочку из крокодиловой кожи. Все пальцы дамы были унизаны золотыми перстнями. Она улыбалась, разглядывая свое отражение в зеркале: высокий лоб, тонкие брови, хитро прищуренные карие глаза, подведенный рот. И особенно – родинку слева над верхней губой, яркую и чувственную, точно это была и не родинка вовсе, а мушка, какими часто украшали свои лица избалованные высокородные дамы прошлых веков. Улыбалась она самой себе – заговорщицки. Точно хотела преподнести кому-то долгожданный, возможно – бесценный, сюрприз.

Тихо промурлыкал звонок. Женщина подняла голову. На черном поле красным высветился номер этажа – «208». Дверь лифта открылась. Негр, стоявший по левую руку от дамы, молчком указал ей на выход.

Не отпуская с губ загадочной улыбки, дама изящно перешагнула порог лифта. По обе стороны его стояли еще двое молчунов – также черный и белый. В таких же черных костюмах и темных очках.

Кажется, они дожидались именно пассажирку с родинкой, потому что двинулись вместе с ней по широкому коридору, задавая направление.

Коридор закончился, все трое повернули направо. В самом конце нового коридора вырастали высокие двустворчатые двери.

Процессия направлялась именно туда...

Остановившись у дверей, белый охранник аккуратно открыл двери, скупно улыбнулся: – Сюда, мэм.

Гордо подняв голову, дама в шляпе вплыла в просторную секретарскую. В правом углу, за столом, притаилась, с осанкой юной балерины, старуха с непроницаемым лицом. В строгом костюме и очках, похожая на капрала, для которого муштра – великое удовольствие, она спросила:

– Ваше имя?

– Каролайн Блэк.

Секретарша уткнулась в список. На третьем листке ее внимание стало особенно пристальным. Она подняла голову, оглядела даму с ног до головы.

– У вас десять минут, миссис Блэк, – отчеканила она.

– Мисс Блэк, – поправила ее посетительница.

– Прошу прощения. – Ударение было уничтожающим. – Мисс Блэк.

Дама поклонилась. Она подошла к дверям, чувствуя, как бешено колотится ее сердце, и толкнула их вперед. Она ощутила, что летит, словно сорвавшись со скалы...

Взору роскошной молодой дамы открылся кабинет – просторный, светлый и холодный.

Стеклянная стена открывала половину Нового Света – небоскребы и океан. За дальним концом длинного зеркального стола, охваченного с каждой стороны шеренгой стульев, сидел светловолосый юноша – худощавый и бледный. Но его серые глаза выдавали уже взрослого, рассудительного и точного во всем человека.

– Здравствуйте, мистер Даймон, – произнесла дама.

С любопытством оглядывая гостью, он кивнул.

– Ваша секретарша – чудо, – сказала посетительница.

– Она служила еще моему отцу. – Он не сводил глаз с дамы. – Вам известно, что вы должны быть кратки, мисс Блэк?

Дама улыбнулась:

– Да, мистер Даймон.

Юноша встал из-за стола, обошел его. Он был одет просто, как часто одеваются очень богатые люди. Надо ни от кого не зависеть, чтобы носить в таком кабинете легкий светлый джемпер, свободные брюки.

Юноша указал рукой на ряд стульев:

– Прошу вас.

Он следил, как очаровательная женщина с родинкой над верхней губой отодвигает стул, не выпуская из рук сумочки, садится. Сам он присел на угол своего стола. Гостья пылливо разглядывала юношу и, кажется, не скрывала этого.

– Я вас слушаю, мисс Блэк.

– Вы должны узнать свое прошлое, мистер Даймон.

– Мое прошлое? – Юноша нахмурился. – Семейные тайны? – На его бледном лице, на тонких губах, появилась едкая улыбка. – Пойдите, догадаюсь. Я – подкидыш? И мой отец, несчастный больной старик, миллиардер, на самом деле нашел меня на маленьком плоту, который плыл по Гудзону?.. Нет?

Женщина улыбнулась:

– У вас есть чувство юмора, это прекрасно. Нет, мистер Даймон-старший – ваш родной отец. Хотя, кто наши земные родители, это далеко не самое главное...

Дама открыла сумочку из крокодиловой кожи, запустила туда правую руку и вытащила увесистый плоский предмет, завернутый в бархатную тряпицу. Гостья аккуратно разложила материал и положила освобожденный предмет – потертый золотой кругляк – на стол.

– Думаю, я не могла ошибиться, – подняв на юношу глаза, тихо проговорила она, – и вам эта безделушка должна понравиться.

– Что это? – спросил он, сползая со стола и подходя к ней.

– Посмотрите внимательнее.

Он остановился в двух шагах от женщины.

– Не бойтесь, мистер Даймон, возьмите его. Подержите в руках, ощутите его тяжесть – и все те века, которые существовал этот амулет.

Юноша протянул руку, и на его ладонь легла шестиконечная звезда. В середине ее, удачно вписавшись в круг, изогнулся, хищно ощерив пасть, дракон.

Казалось, юноша не верил своим глазам. Что до гостьи, то она просто-напросто впиалась в молодого человека острым и хищным взглядом.

– Я не могла ошибиться, – повторила она. – Я должна была прийти по адресу.

– Кто вы? – подняв на нее глаза, спросил юноша.

– Та, которую вы ждали, – откликнулась дама.

– Не понимаю...

– Очень скоро вы все поймете, мистер Даймон. Обещаю... Ведь вы хотите этого?.. Да?

– Хочу, – кивнул юноша.

– Тогда попросите ваших охранников, и особенно – старуху, не мешать нам, – потребовала она. – Мне нужно не больше часа вашего бесценного времени – всего-то-навсего от целой жизни!

Юноша с жадностью взглянул на золотую звезду и дракона. Отказаться? – и расстаться с ним?! – нет!..

– Решайте же...

Не выпуская из рук амулет, юноша обошел стол, нажал на кнопку селекторной связи:

– Говорит Дерик Даймон. Мисс Блэк задержится в моем кабинете на неопределенное время. Пока она здесь, ни с кем не соединяйте меня и перенесите все встречи. – Юноша дал отбой связи, вытащил из стола пульт, ткнул им в пустую стену. Та разъехалась в стороны, и перед ними открылась другая зала – с картинами и коврами, камином, мягкой мебелью. – Итак, мисс Блэк, – юноша указал кивком головы на комнату отдыха, – прошу вас следовать за мной.

На пороге двух зал он остановился:

– Это... не опасно?

– Это – волшебное.

– Тогда не будем терять время, – кивнул юноша. – Что я должен делать?

– Садитесь в это кресло, – указывая на первое ей приглянувшееся, проговорила дама.

Юноша выполнил указание.

– А вы?

– Нет-нет, – уже за его спиной проговорила гостья. – Мое место тут.

Юноша обхватил рукой горло:

– Я не люблю быть беззащитным.

– Вы... боитесь меня?

– Я не знаю вас, – сухо ответил он.

– Вы никого и никогда не должны бояться, – убедительно проговорила она. – Потому что никогда и никого не боялись раньше...

– Я не понимаю...

– Скажите, мистер Даймон, вы хоть однажды представляли себя участником битв? – вместо объяснений спросила она. – Чувствовали в своих руках меч или копье?

– Много раз, – честно признавшись, ответил он.

– Тогда закройте глаза и думайте о том, о чем фантазировали с детства.

Юноша смирился. Вначале одна рука женщины, а затем и другая легли на его голову.

– Внимайте моему голосу, – продолжала она. – В нем, как в яичной скорлупе, – новая жизнь, для вас сейчас – весь мир...

Он последовал ее совету и тотчас почувствовал, как необыкновенное тепло стало разливаться от темени по всему телу.

– Я вам завидую, мистер Даймон, – уже через туман услышал он. – Испытать это в первый раз – великое счастье. И я с радостью подарю его вам...

2

...Они приближались к замку. Пейзажи Северной Италии с оливковыми рощами и кипарисами так радовали взгляд северянина! Да, они ехали по землям Ломбардии, он точно знал это! И как прочно он врос в седло боевого коня! Сколько силы и мощи вошло в его тело – как если бы хрупкий олененок в мгновение ока превратился во льва!.. Предводителем высокородных господ-рыцарей он приехал в замок маркграфа Бонифация Монферратского. Но раздвоенность продолжалась недолго. Еще мгновение, и в нем, суровом воине, не осталось места для юного мистера Даймона...

Когда их отряд подъехал к замку, то они увидели, как с другой стороны сюда подходит войско. Сразу было видно, что это победители возвращаются с поля битвы. Гусеницей растянулся обоз. Были видны и сотни пленных, которых тащили на веревках, связанных друг с другом.

Предводителем рыцарского войска был сам маркграф. Плащи, панцири и кольчуги вояк были забрызганы кровью врага.

– Герцог Вествольф, – представился гость хозяину здешних земель. – Я прибыл к вам по личному распоряжению римского понтифика – Иннокентия Третьего. Мы будем приняты доблестным маркграфом Бонифацием?

– Еще бы! – отозвался тот. – И не просто будете приняты, но накормлены и напоены вволю! У меня нынче праздник. Я только что разбил армию пьемонтцев, этой черни, что опять пошла против своего сеньора! Дорого мне заплатят горожане, банкиры и купцы, за свое самовольство! До гола раздену негодяев! Прошу вас, герцог, в мой замок!

Для убитых сбивались гробы. Раненых отправили в лазарет. А здоровые, кого не коснулся всерьез клинок противника, смыв грязь и кровь в купальнях, сели за трапезный стол. Головорезов маркграфа дожидались жареные кабаны и олени, каплуны и рябчики, форель и сыры. И много доброго вина – итальянского и французского, бургундского и рейнского.

– От цели моего визита пусть косвенно, но зависят судьбы народов, – в начале пира сказал маркграфу его гость. – Граф Тибо Шампанский, три недели назад взявший крест для похода в Святую землю, умер. В Суассоне бароны, решившие пойти на сарацинов, просили вас занять место графа. Папа одобрил решение баронов и присоединился к их просьбе. Бароны готовы вручить своему вождю не только крест, но и половину той суммы, которую оставил граф Шампанский на великое предприятие.

Маркграф, в ногах которого путалась пара охотничьих псов, откинулся на высокую спинку кресла. Вытер полотенцем жирный рот, бороду и усы.

– И какова же эта сумма?

– Пятьдесят тысяч марок серебром. Новый вождь получит их сразу после того, как епископ Суассона вручит ему крест.

Герцог Вествольф заметил, как потеплели глаза владельца ломбардских земель. Быть предводителем такой компании – огромная честь для любого сеньора. И весьма приятная, если существует залог – крупная сумма денег. Но эта честь и выгода только начало. Удачно вложить деньги в поход означает получить великие выгоды на завоеванных территориях!

– Ученики почтенного мэтра Фулька из Нейи уже прошли по моим землям, пытаюсь вдохновить моих рыцарей на этот поход, – заметил Бонифаций.

Вествольф улыбнулся:

– Души и сердца мэтра Фулька хватило, чтобы вдохновить всю христианскую Европу, благородный маркграф!

Герцог Вествольф умолчал, что это он полтора года назад навестил «почтенного мэтра Фулька». Он привез ему грамоту от папы римского, просившего мэтра проповедовать поход, и назвал приходского священника «новым Бернаром Клервосским». Долго упрашивать мэтра Фулька, старого чудака, не пришлось – в его устах одна пламенная речь уже рождалась вслед за другой! Он разбередил души всем: королям и знатым баронам, бедным рыцарям и простолюдинам. А где не успел он – постарались его ученики.

После обильного пира захмелевший Бонифаций Монферратский пригласил гостя в оружейную залу. За ними последовали слуги с факелами.

– Когда вы хотите получить ответ, герцог? – обводя глазами щиты и алебарды, мечи и копья, спросил Бонифаций.

– Сегодня же, – ответил его гость. – Бароны ждут!

Бонифаций подошел к одной из темных ниш – ее занимал двуручный меч. Обращенное лезвием вниз, оружие было подвешено за широкую крестовину рукояти на двух железных кранах.

– Знаете, чей это меч, герцог? – спросил хозяин замка. – Конрада – моего старшего брата!

Бонифаций Монферратский зацепил сильной рукой длинное жало, снял оружие, перехватил за рукоять.

Гость кивнул:

– Я бился с ним бок о бок, маркграф, когда византийский император Алексей, нынче ослепленный своими братом и посаженный в темницу, просил нас о помощи.

– Проклятые греки! – лицо Бонифация, освещенное языками факельного пламени, искажил гнев. – Мой брат с оружием в руках отстаивал трон императора, а тот в решающий день забыл о нем. Решил откупиться дочерью! Но маркграфу Конраду Монферратскому нужен был византийский трон, а не юбка, пусть даже из дома Ангелов! Его надули и выставили за ворота Константинополя! Да что я вам рассказываю – вы сами были там...

– Конрад получил корону Иерусалима, – заметил гость. – Хотя скромные богатства Иерусалима трудно сравнить с сокровищами Константинополя!

– Это верно, – откликнулся Бонифаций. – С каким бы удовольствием я отомстил грекам за все беды, которые они причинили моему брату! С какой бы радостью ворвался я в столицу мира и поставил бы ее на колени! А может быть, и сделал бы ее своей вотчиной!

Герцог Вествольф не мог оторвать взгляда от пылавшего лица маркграфа. Сколько страстей сейчас обуревало Бонифация Монферратского: непомерная алчность, великий гнев, жажда мести! И тем радостнее стучало сердце герцога Вествольфа. И вновь он думал: не найти лучшего вождя для крестоносцев!

– Все может случиться под этими небесами, маркграф, – сказал герцог. – Надо только пожелать!

– Я возьму крест, – грозно сказал Бонифаций Монферратский, сжимая рукоять двуручного рыцарского меча. – Я поведу рыцарей к Гробу Господню!

– Другого ответа я и не ожидал от благородного маркграфа Монферратского! – кивнул гость.

Маркграф переживал великие мгновения в своей жизни. И герцог Вествольф сделал два шага в сторону – к медному зеркалу, «византийской игрушке».

Он заглянул в отражение.

Там стоял высокий, широкоплечий мужчина. Широкоскулое лицо, горевшие страстью глаза. Огненно-рыжие волосы рассыпались сальными прядями по его плечам. Охотничий кинжал в ножнах у правого бедра. На груди, поверх камзола из грубой кожи, толстая золотая цепь. Герцог, чье отражение в свете факелов было зыбким, улыбался ему.

Улыбался, глядя на Дерика Даймона из мутного потока времени...

3

...Дерик долго смотрел в пустоту – в пространство уютного кабинета, где было все, чтобы отдохнуть от работы, укрыться от суеты. Спрятаться от назойливого и подчас враждебного мира.

– Как вас звали? – первое, точно через пелену, что услышал он.

– Мое имя... – рассеянно проговорил юноша, точно пытался вспомнить его.

– Да, ваше имя, мистер Даймон, – горячо потребовал уже знакомый женский голос. – Говорите, ну же!

– Герцог... Герцог Вествольф, – глухо закончил он.

– Да, – с невероятным облегчением выдохнула женщина. – Я не могла ждать дольше, мистер Даймон. А ждала я долго, с того самого момента, как впервые прочитала в газетах ваше имя.

Дерик поднял голову. Гостья в упор смотрела на него. Но теперь смотрела иначе – так, точно они были единым целым. Она, странная и очень красивая женщина с родинкой

над верхней губой, и он – юный наследник несметного богатства. И объединяла их великая тайна. А ведь они едва познакомились друг с другом!

Мисс Блэк осторожно взяла юношу за плечи:

– Хочу надеяться только на одно, что вы уже стали взрослым... – Она выждала паузу. – Взрослым для того, чтобы взять в руки принадлежащую вам власть.

Дерик разжал руку, на его ладони по-прежнему лежала шестиконечная золотая звезда с драконом в центре круга. Не глядя на гостью, он вновь взял пульт и направил его на пустую стену уже этого кабинета. Как и первая, она стала разъезжаться в стороны... И только когда две половины стены открыли еще одну комнату, небольшую, юноша взглянул на мисс Блэк. Она, точно зачарованная, смотрела на представшее перед ней великолепное зрелище и не могла оторвать от него глаз...

Новая комната представляла собой целый музей – роскошный музей средневекового вооружения. Все размещалось основательно и надежно, под стеклом, с подсветкой для каждого экспоната: меча, кирасы или секиры. Но внимание госты почти сразу остановилось на одном-единственном экспонате – в середине главной стены.

Это был двуручный меч в два локтя длиной. Приблизившись, мисс Блэк осторожно протянула руку и коснулась стекла.

– Вы нашли его?! – прошептала она. – Своего «Дракона»...

– Это было нелегко, – вставая с кресла, отозвался Дерик.

Тихий звук, и стекло стало подниматься вверх, оставляя сокровище открытым, доступным. Гостя дотронулась пальцами до рукояти и ощутила легкий холодок старого, побитого временем металла. Там, в середине крестовины, гнездилась полустертая от времени шестиконечная звезда. В ее центре, в замкнутом круге, изогнулось, точно перед броском, диковинное и грозное животное.

– Как часто вы видели в грезах этот меч, брали его в руки? – спросила мисс Блэк. – Как часто беспощадно рассекали им своих врагов?

– С тех самых пор, как только помню себя, – признался он.

– Когда-то, странствуя по Востоку, этот меч заказал у сирийского кузнеца один европейский герцог. Вы уже знаете его имя. Тогда же рыцарь Вествольф, потомок древнего германского рода, назвал свой меч «Драконом». Он присвоил ему имя того, в кого верил и кому поклонялся. – Гостя кивнула. – В ваших руках он был молнией – мне ли этого не знать! Так вот, Дерик Даймон, зачем я пришла сюда: вы нужны – нам.

Он не сводил с нее глаз:

– Кому – нам?

– Тем, кого вы сами однажды призвали служить себе. Мы не могли больше ждать. Откровение уже коснулось вас – я всего лишь укажу верную дорогу.

– Но какое откровение коснулось вас, мисс Блэк? – осторожно спросил юноша.

Гостя усмехнулась:

– Когда впервые кто-то, почти осязаемый, ночью, в темноте, прошептал мне: «Найди Дерику Даймона. Он тот, кто моим именем завоюет мир...» Разве этого недостаточно?

Юноша не нашелся, что ответить.

– Именно тогда, на следующий же день, – продолжала она, – я развернула утреннюю газету и в светской хронике прочитала, что миллиардер Ричард Даймон отправляется в кругосветное путешествие. И с ним его сын и единственный наследник империи Дерик. Это произошло восемь лет назад, мне тогда едва исполнилось двадцать. А теперь мы вместе должны отыскать то Оружие, с помощью которого можно покорить оба царства – земное, и то, другое, скрытое от глаз простых смертных. Ради власти в котором и происходят все битвы – зримые и невидимые. Мне точно известно, кто владеет этой тайной.

Они вернулись в комнату отдыха.

– Я устала, – вздохнула мисс Блэк. – Это нелегко – водить неподготовленного человека по коридорам времени. – Она неторопливо надела шляпу, взяла свою сумочку из крокодиловой кожи. – Да и вам стоит передохнуть – столько обрушилось на вашу голову! – Гостья зацепила взглядом глаза юноши. – Я приду по первому вашему звонку, мистер Даймон.

– Завтра, – поспешно откликнулся Дерик. – Я позвоню вам завтра.

– Буду ждать с нетерпением. – Мисс Блэк улыбнулась. – Думаю, ваша секретарша меня уже ненавидит!

Глава пятая. По следам таинственных гостей

1

– Великая битва...

В устах Вадима эти два слова прозвучали так тихо, что едва ли он сам расслышал их. Он даже не знал, кому принадлежит голос. И где были произнесены эти слова – там, у ворот византийской крепости Вара, или уже здесь, в доме князя Остберга.

– Я никогда не рассказывал ему о Великой битве, – князь взглянул на дочь. – Не рассказывал здесь – в нашем времени...

– Что со мной было? – спросил Вадим.

– Вы были самим собой, Вадим Александрович, – как ни в чем не бывало ответил князь. – Восемьсот лет назад вас звали Александром Палеологом.

Восторг, граничивший с помешательством, мешал Вадиму дышать. Мир перевернулся за несколько мгновений, и теперь все его самые безрассудные фантазии обретали реальные черты.

– А как на счет боли? – спросил он. – Испытывать боль в прошлом – серьезное испытание?

– Если в прошлой жизни вас заденет клинок противника, вы испытаете самую настоящую боль. Но не большую, чем во сне. Испытывать боль в прошлом неприятно, но вовсе не опасно. Вы – два разных человека. Тело смертно – не душа. И если стрела пронзит ваше сердце, вы проснетесь, как просыпаются от кошмара.

– Хотелось бы верить, – пробормотал Вадим. – Он поднял глаза на хозяина замка. – И там со мной были вы?

– Ваш учитель и друг, – улыбнулся Остберг.

– А прекрасная девочка... Таис?

Вадим встретил взгляд Катарины.

– Да, – кивнула она.

– А время, – гость посмотрел на князя, – как оно идет там?

– Времени, куда попадаете вы, уже нет, – ответил Остберг. – Прошедшие века сжаты в мгновения. Здесь мы плывем, налегая на весла, а там летим под парусом, полным ветра. За час настоящего времени в прошлом можно прожить годы! Но переведите дыхание, Вадим Александрович, вам оно еще пригодится!..

– Есть особые люди – они отмечены печатью свыше, – через полчаса, но уже в своем кабинете, продолжал князь. – На них лежат большие и важные задачи, выполнить которые в одну человеческую жизнь практически невозможно. И вот они, как правило, приходят на землю вместе. Законы такого возвращения объяснить невозможно, но это так. Их может как объединять одна цель, так и непримиримо разъединять... Вчера я упомянул о герцоге Вествольфе – человеке, которого нет в вашей книге. Он – тот, кто приходит на землю, когда открываются врата ада. С некоторых пор я стал ощущать его присутствие на земле. Вествольф – наш враг, грозный и сильный. Как и мы, он будет искать юношу из Идона.

– Мы должны что-то предпринять? – осторожно спросил Вадим.

– Найти нашего друга раньше... Вы когда-нибудь слышали об ордене Дракона?

– Нет, – честно признался Вадим.

– У меня есть книга чешского ученого Владека Пташки, посвященная этой теме. Орден Дракона, как тайная секта, был образован еще в первом веке нашей эры, он объявлял настоящим спасителем мира князя тьмы. Герцог Вествольф был магистром ордена. Всю свою

жизнь он охотился на Дионисия, пытаясь узнать тайну его прозрений. Впрочем, лучше вам прочесть отрывки из книги самому – для вас уже переведены необходимые страницы...

– «Целью существования рыцари ордена ставят обретение святыни, великого Оружия, которое поможет им завоевать мир», – вслух Вадим перечитал заключительные строки.

– След Дионисия теряется в середине десятых годов тринадцатого века в Никее, – стоя у окна, проговорил Остберг. – Его похитил герцог Вествольф. – Князь обернулся. – Но вы об этом должны быть осведомлены лучше, чем я.

– Каким образом?

– Константина Борея к тому времени не было на белом свете. Александр Палеолог – был.

Вадим нахмурился.

– Но откуда вам это известно?

– Это известно мне, – сказала Катарина.

Вадим нахмурился.

– Я знала вас не только десятилетней девочкой Таис, но и взрослой женщиной...

Вадима точно коснулось озарение – вот откуда исходящая от девушки теплота, которую он почувствовал сразу, как только увидел Катарину вчера вечером!

– У меня есть все основания предполагать, что Александр Палеолог не выполнил наказ своего учителя, – очень серьезно сказал Остберг. – Он пытался, но где-то совершил промах. Иначе бы герцог Вествольф не выкрал Дионисия и не увез его из враждебной Никее живым. Думаю, Александр к тому времени уже был мертв. А вслед за ним, где-то очень далеко, страшной смертью умер и Дионисий.

– Серьезное обвинение, – тихо проговорил Вадим. – Голова идет кругом... А вы были знакомы с автором книги? – Он кивнул на фолиант. – С этим Пташкой?

– Был. Владека Пташку убили в Праге неделю назад. Уверен, его смерть не случайна. К несчастью, я сам оказался причастен к истории, из которой профессор так и не смог выпутаться. Очень жаль, – заключил князь.

Но Вадим то и дело перехватывал взгляд Катарины.

«Маленькая Таис – не верится! – думал он. – Но какой он знал ее позже? Вот бы увидеть, побольше узнать о ней!...»

2

Отдохнув перед обедом, Вадим обходил замок, когда его слух привлекли странные щелчки. Вскоре он осторожно открывал двери, за которыми отчетливо слышались скользящие удары металла по металлу – словно на кухне очень нервный повар точил друг о дружку ножи.

...На узкой дорожке, в белых костюмах и масках, на шпагах сражались два бойца. Они бились отчаянно, горячо, нанося грозные удары, парируя их, отпрыгивая в сторону, увертываясь и вновь нападая на противника...

Один боец был маловат и хрупок, второй – высок и подтянут. Но тот, что поменьше, не отставал от противника. Он брал ловкостью, изворотливостью, сноровкой.

Вадим не знал, уйти ему или остаться. Насколько личный этот поединок. Может быть, он не вправе подсматривать за дуэлянтами?

Но вот – укол. Маленький боец, припав на одну ногу, вонзил клинок точно в селезенку соперника. Тот отпрянул, поднял руки вверх, что означало: сдаюсь.

Маленький боец ловко снял маску, расплескав по плечам каштановые волосы. Это была княжна, Катарина Остберг. А вслед за ней стащил с головы маску и ее противник, оказавшись ее отцом.

Бойцы поклонились друг другу, пожали руки.

– Отличный укол, – сказал девушке ее соперник. – Я горжусь тобой!

Увидев в дверях Вадима, отец и дочь поздоровались с гостем.

– Как я вам, Вадим Александрович? – шагая к нему, спросила девушка.

– Вы – великолепны! – честно признался гость.

Глаза Катарины сияли.

– Я – потомственная аристократка, – гордо сказала она. – И потому должна владеть холодным оружием. А именно – шпагой, рапирой, саблей, мечом и даже кинжалом... А какое оружие предпочитаете вы?

– Автомат Калашникова, – скромно ответил гость. – Чтобы сразу положить всех противников на месте. В армии я числился одним из лучших стрелков! Да и с боевым ножом, княжна, управлялся на славу. – Вздохнув, он развел руками. – Пират я в сравнении с вами, да и только!

Во время обеда, в парке, охранник Никас, чистых кровей грек, передал хозяину дома чью-то визитку.

– Не люблю непрошенных гостей, – вставая, сказал князь. – Но этого господина мне придется выслушать.

Вскоре Вадим и Катарина увидели, как через заросли винограда прошли трое. Два телохранителя и мужчина среднего роста, широкоплечий, по-боксерски сутулый, с короткой стрижкой темно-русых волос. В правой руке он держал тонкую полиэтиленовую папочку синего цвета.

– Вы живете в крепости, князь, – заходя в беседку, сплошь заросшую виноградом, говорил коренастый мужчина.

– Хотите кофе? – спросил его хозяин дома.

– Пожалуй, – кивнул тот.

Через пять минут на плетеном круглом столе была уже сервирована скромная закуска: кофе, булочки, фрукты.

– Так что же вас привело ко мне, комиссар Горовец? – спросил Остберг. – Уверен, ответ кроется в этой синей папке?

– Именно так. – Гость отхлебнул кофе. – Наверное, вы уже знаете о том, что в Праге убит Владек Пташка? Историк, профессор, коллекционер древностей.

Остберг не сводил с гостя глаз.

– Допустим.

– Вы не задавались вопросом, кто мог пойти на это преступление?

– Почему вы решили, что я должен задаваться этим вопросом? – удивился хозяин дома. – Разве я детектив?

Горовец был невозмутим.

– Я просто уверен в этом, – многозначительно сказал он.

Остберг взглянул на тощую ношу комиссара.

– Раз уверены, не будем тянуть время и сразу обратимся к вашей папке.

Комиссар открыл ее и вытащил несколько скрепленных листов бумаги. Протянул их хозяину дома. В папке остался один лишь большой конверт.

– А я пока отведаю ваших булочек. Плохо позавтракал, знаете ли.

Прошло несколько минут в полном молчании. Только шелестели листы бумаги и было слышно, как гость скромно употребляет нехитрый обед.

– Наверняка, сейчас вы спрашиваете себя, – гость расправлялся с очередной булочкой, – какую же надо было проделать работу, сколько поднять архивов и бухгалтерских отчетов, чтобы за считанные дни пробраться через выращенную вами чашу подставных органи-

заций и лиц. Из пункта «А» – пражского салона древностей, в пункт «Б» – эту замечательную крепость!

Разглядывая листы, князь кивнул.

– Что и говорить, работа большая. Думаю, она того стоила?

– Еще как стоила! – отхлебывая кофе, ответил Горовец. – Меня так и подмывает назвать вас «Мирославом Владовичем». Усы вы приклеивали, а вот от перстня с изумрудом, – он кивнул на правую руку князя, – так и не отказались! А Пташка заприметил его...

– Никто из нас не совершенен, – усмехнулся князь. – Давайте же ближе к делу, комиссар.

– Буду с вами откровенен, князь, – став серьезным, кивнул тот. – К убийству Пташки причастно лицо, которое разыскивают как опаснейшего преступника в десятках стран мира.

– При чем тут я? – спросил Остберг. – Мне искренне жаль, что Пташка погиб, но последний раз я видел его десять лет назад.

Горовец допил кофе, откинулся на спинку плетеного кресла.

– Я знаю об этом. Но мне известно намного больше, чем вы думаете, князь. И сейчас вы – главная зацепка в этой фантастической истории.

– Комиссар Горовец, – Остберг посмотрел ему в глаза, – если хотите, чтобы я был с вами откровенен, то и вы будьте откровенны со мной. Идет?

– Идет, – кивнул комиссар.

И вкратце поведал хозяину замка историю, услышанную несколько дней назад из уст Зои Вайдовой, но поведал неполно, к тому же оборвав рассказ на исчезновении пани Чёрны.

– Двадцать лет назад на вас было совершено покушение, не так ли? – спросил Горовец. – Покушался на вашу жизнь некто Адольф Адельборг, сумасшедший. Или выдававший себя за сумасшедшего.

– Именно так, комиссар.

– Так вот, это он на руинах замка Волчье логово предупредил профессора: «Не приезжайте больше на эти развалины, не пытайтесь попасть в подземелье: замок на Волчьей горе принадлежит другому человеку – его хозяину». А потом безумец добавил: «И очень скоро хозяин вернется сюда». Что бы это значило?

Остберг опустил глаза:

– Все это мне нравится не меньше вашего, комиссар.

– Верю. Итак, гигантская рыбка в образе Клары Чёрны съела наживку, но ушла с вашего крючка – канула в мутную воду. А продолжение истории таково...

И Горовец рассказал вторую часть: об Анне Ортман, что, прикрывшись новой фамилией, расспрашивала Пташку о владельцах коллекции, а позже убила профессора. И о том, что существует двойник этой молодой женщины – вырезанный в камне, хранящийся в заброшенном норманнском замке.

– А теперь сопоставим факты. Двадцать лет назад на вас покушался сумасшедший скандинав Адольф Адельборг, охраняющий, точно Цербер, развалины замка – некогда цитадель ордена Дракона. В наши дни опаснейшая террористка Ортман убивает профессора Пташку и разыскивает бывшего владельца древнего амулета – опять же вас. А возможная спутница террористки Анны Ортман, если верить интуиции покойного Пташки, дочь Клары Чёрны – Каролина. Что-то мне подсказывает, что из птицелова вы сами превратились в птицу. – Комиссар кивнул за пределы беседки. – У вас целая армия телохранителей, и я понимаю, зачем. Остается спросить, почему вы охотились за этой Klarой Чёрны? Кто она?

Остберг усмехнулся:

– Вы все равно не поверите мне.

– Не поверю? – Горовец зло рассмеялся. – Да я с этой историей готов поверить во все, что угодно! И в рай, и в ад! Уверен, всему виной та чертовщина, к которой и вы, и

Клара Чёрны имеет самое прямое отношение. Так что же вы хотели от пани Чёрны, которую пытались поймать на золотой амулет?

– Попросить, чтобы вам принесли еще булочек и кофе, комиссар? – спросил Остберг.

– Спасибо, я сыт. Зачем расставляли сети для этой ведьмы? В чем смысл? Помните, это было вашим частным делом, пока сюда не вмешалась Анна Ортман. Теперь это дело международной безопасности, и я наделен полномочиями опечатать весь ваш великолепный замок до выяснения всех обстоятельств. И даже президент вашего государства не станет защищать вас. – Комиссар не сводил глаз с хозяина дома. – Я был предельно откровенен с вами – теперь ваша очередь.

– А сами вы не догадываетесь о причинах этого противостояния, комиссар Горовец? – спросил хозяин замка.

Гость недоуменно покачал головой.

– Неужели вы думаете, князь, что орден Дракона существует и поныне?

Остберг кивнул:

– Я знаю это.

– Тогда какова ваша роль в этой истории? Что вам за дело до ордена Дракона?

– Считайте, что я избавляю мир от нечисти, комиссар, как и вы.

– За мной стоит Организация Объединенных Наций. А кто за вами?

– Вы материалист, комиссар?

– Именно так.

Остберг улыбнулся:

– Тогда, боюсь, вы и впрямь не поймете меня.

Комиссар устало покачал головой:

– Наверное, нет, князь.

– Тем не менее в сложившейся ситуации есть преимущества, комиссар, – продолжал князь. – У нас есть общий враг – и я не меньше вашего хочу отыскать его.

– Это уже кое-что, – соглашаясь, вздохнул Горовец.

– А не сделал ли Пташка фото той картины? – спросил Остберг. Точно магнитом, взгляд князя уже притягивал конверт, одиноко лежавший в полупрозрачной синей папке. – Это очень важно, комиссар...

– А вы и впрямь маг и волшебник, князь. – Горовец вытащил конверт из полиэтилена, выудил двумя пальцами фотографию. – Копия той, что Пташка держал за обложкой своего экземпляра книги. После серьезной компьютерной обработки.

Остберг, едва скрывая волнение, протянул руку за снимком.

– Вы берете фотографию так, точно это бомба.

– Может быть, и хуже, – откликнулся князь. Несмотря на выдержку, буря чувств пронеслась по его лицу, пока он смотрел на снимок. Глаза его точно читали старинную книгу, где сокрыты пророчества. Остберг поднял взгляд на Горовца. – Вам надо начинать поиски в Скандинавии, комиссар. Если не начнете их вы, то начну я.

– Спасибо за кофе и булочки, князь, – кивнул Горовец, – они спасли мою жизнь. Мне пора ехать. Вот моя визитка. Кстати, эта фотография – ваша.

3

– Я упустил своих врагов, и Пташку не уберег, – уже в кабинете, подробно рассказав дочери и гостю о визите комиссара Горовца, посетовал князь. – Но кто мог предположить, что его убийца так опасен? Все это лишний раз убеждает меня, что мы должны найти Дионисия как можно скорее. – Остберг взглянул на Вадима. – В тринадцатом веке у меня была знакомая ворожея. Добрая фея, которая варила приворотные зелья и хранила живую воду.

Она умела читать прошлое и предсказывать будущее. Узнать бы, здесь она или нет? Как выглядит? Юная ли она девушка или старуха? Она знает, где он.

– А вы... искали ее? – поинтересовался Вадим.

– Еще бы. Пока безрезультатно. Но я точно знаю: она должна быть с нами – в наше время. Без нее нам пришлось бы худо. Вся надежда на то, что она сама, первая, отыщет нас.

– А какой она должна быть? – с нарастающим любопытством спросил Вадим.

Выпив остатки вина разом, Остберг поставил бокал на стол.

– Доброй, немного странной. Беззащитной. Ей должно быть открыто много путей. – Он взглянул на Вадима. – Еще вина?

Гость оживленно кивнул.

– Да, спасибо. Так она... ясновидящая?

– Таким людям, как она, дано видеть в своих снах не образы-фантазии, а реальных людей в реальных обстоятельствах. Как в прошлом и настоящем, так и в будущем.

Вадим улыбнулся:

– Ее домашний телефон записан в моей книжке. – Он развел руками. – Вот и на меня смотрят, как на волшебника! Виват! – И пока за телефонной книжкой гостя была послана прислуга, Вадим объяснял изумленному князю и не менее пораженной новостью княжне. – Паша так и сказала мне: «Я знаю, где он и кто он. Тот, о ком вы все время размышляете. Следы которого половину своей жизни искали в прошлом. И от кого уже готовы были отказаться. Я знаю его».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.